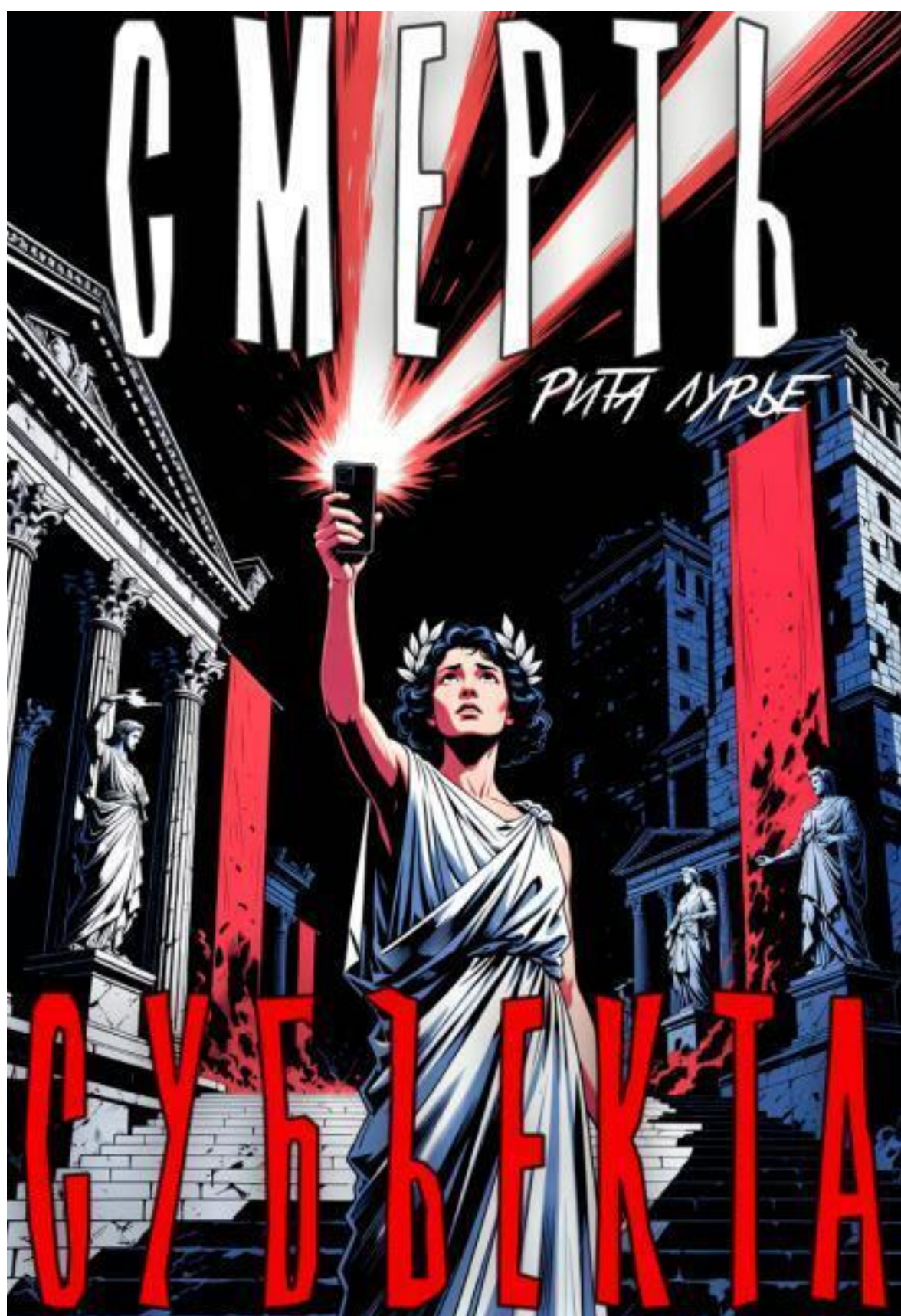

Рита Лурье

Смерть субъекта

«Литнет»

2025

Лурье Р.

Смерть субъекта / Р. Лурье — «Литнет», 2025

Бунтарка и офицер тайной полиции сбегают из антиутопического государства, но мир снаружи страшнее любой тюрьмы. Империя — тоталитарное государство, возникшее на руинах прежнего мира после эпидемии, почти истребившей человечество. Здесь у каждого своя роль: мужчины обязаны служить и трудиться, женщины — приносить Отечеству потомство. Каждая совершеннолетняя девушка должна родить пятерых детей, чтобы спасти нацию от вымирания. Юлия Силва не хочет такой судьбы, она идеалист и романтик. Юлия мечтает, чтобы её дети были рождены в любви, а не по велению долга. За свои взгляды она попадает в зловещую тюрьму «Карсум Либертатис», где девушку приговаривают к казни — в назидание остальным. Но Юлию спасает офицер тайной полиции и вместе они отправляются на поиски лучшей жизни. Так они попадают в Новый Эдем, высокотехнологичную цивилизацию уцелевших, существование которой считалось сказкой в Империи. Но и в раю есть свои правила. И чужакам там не рады.

© Лурье Р., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Акт I. Жертвоприношение	5
Глава первая. Ливий Велатус	7
Глава вторая. Юлия Силва	15
Глава третья. Ливий Велатус	23
Глава четвертая. Юлия Силва	30
Глава пятая. Ливий Велатус / Юлия Силва.	40
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Акт I. Жертвоприношение

Вам нужна форма, а нам – сущность.

Карин Бойе «Каллокаин»

Мое имя Юлия Силва, мне семнадцать лет, одиннадцать месяцев и двадцать девять дней, что означает – завтра мой день рождения. Завтра мой день рождения и вместо тортика с кремовыми розочками мне уготовано сексуальное насилие.

Я вовсе не пытаюсь сгустить краски и нагнать драматизма.

Как это ни называй, суть не меняется: с момента моего совершеннолетия я буду содержаться в «Центре продукции и репродукции» и ежедневно совершать коитус с разными мужчинами, пока это не даст результат. На протяжении следующих десяти лет я должна буду исполнить свой долг перед государством, после чего наконец-то получу возможность сама распоряжаться своей судьбой. И своим телом. В моем случае между ними стоит знак равенства.

Десять лет, пять новых граждан, чтобы поправить плачевную демографическую ситуацию, и внушительное количество партнеров. Прикинув в уме, я заключила, что за весь срок в сумме потенциальных отцов моих будущих детей наберется чуть ли не полусотня. Вот такая гребаная математика. Вот такие, блестящие, мать их, перспективы.

Если вы меня спросите – они мне нисколько не нравятся.

Оттого я и сижу на кухне в тесной квартирке нашего домуса, и, покусывая ноготь на большом пальце, пытаюсь придумать, как этого избежать.

По закону граждане, достигшие шестнадцатилетия, имеют право вести самостоятельную жизнь, так что мне позволили занимать эту жилплощадь и дальше, когда я осиротела. Впрочем, нам и дают отмашку на эту «самостоятельную жизнь» с расчетом, что к восемнадцати годам мы успеем обзавестись своей семьей. Если бы у меня уже были муж, ребенок, или подтвержденная в «Бенефиции» беременность, я получила бы отсрочку.

Увы, я одна, а моя договоренность о фиктивно-нефиктивном браке с Клавдием, бывшим одноклассником, накрылась медным тазом, как только он встретил свою истинную любовь. Они ждут малыша, и жене Клавдия точно не грозит то, что грозит мне. Империи свято чтит институт брака, и эти дети родятся в любви, а не будут произведены, словно детали для колесницы на сталелитейном заводе.

Было бы мне легче, если бы я знала имена тех мужчин? Если бы в центре «Репродукции и продукции» передо мной разложили красочный каталог с фотографиями и описанием «товара» для выбора?

Если бы я, кусая многострадальный ноготь, торговалась и набивала себе цену:

Этот – уродлив, этот – подлец, а этот для меня слишком глуп, и я не хочу, чтобы его гены неандертальца потом проявились в моем потомстве.

Этот... пожалуй, сойдет.

Нет.

Кто-то скажет, что я сама виновата: я всегда знала, что меня ждет, и у меня было достаточно времени, чтобы подсуеиться и найти себе мужа. Кто-то скажет, что я не имею права роптать, ведь иным приходится куда хуже. Например, несчастным женщинам, что по медицинским показаниям оказались нерентабельными для государства. На них стоит клеймо позора, и в Империи они выполняют самую тяжелую, грязную и опасную для жизни работу. В отличие от них я получила дар, что, по мнению некоторых, не способна оценить по достоинству. Я могу спасти всех нас – ведь после той эпидемии, унесшей жизни доброй половины населения страны, мы находимся под неминуемой угрозой полного исчезновения. У меня между ног

наше будущее. Я могу дарить жизнь. И, по правде, я не вижу в этом ничего плохого – я хотела бы ее подарить. Я хотела бы завести своих детей, любить их и воспитать прекрасными людьми.

Но я не хочу делать это, когда мне приказывают.

Я хочу сделать это, когда пойму, что время пришло.

Я хочу стать личностью, их примером для подражания, а вовсе не испуганной, загнанной племенной кобылой, которую поставили перед фактом.

Сирена за окном – тоже факт. Она визжит, возвещая, что мне положено погасить свет и лечь в постель. После наступления комендантского часа все законопослушные граждане спят, а ночные бдения – удел маргиналов. Ни один приличный человек не станет бодрствовать до утра, чтобы потом явиться на службу с заспанной и помятой рожей. Империи не ущемляет наших свобод, он заботится о нашем благополучии. Здоровой стране – здоровая нация. Эпидемия научила нас правильно расставлять приоритеты.

Я щелкаю выключателем и смотрю в окно. Словно язык огромной собаки луч прожектора лижет убогие коробки домов. Окна гаснут одно за другим.

А мне так хочется, чтобы кто-то оставил свет на ночь включенным!

Этот свет стал бы символом, стал бы моим маяком.

Сирена стихает, сменяясь скрежечущим голосом диктора из колонок на улице. Я давно не вслушиваюсь в чушь, которую он несет. Слова, оглушительные в безмолвии спящего города, тяжело падают в пустоту внутри моей головы. После вечернего напутствия следует гимн, и стоя у окна, я будто отдаю ему дань почести, как настоящая патриотка. Но это не так. Я – и есть тот маргинал, что нарушает все правила. Я – бунтарка.

У меня было время, чтобы подготовиться, но вместо того, чтобы искать замену изменщику Клавдию, я сидела здесь в темноте много ночей подряд, изучая с какой регулярностью и в какие часы выходит ночной патруль. Ровно в полночь, когда один отряд «Фациес Венена» отлучится, чтобы смениться другим, у меня будет шанс.

Вот он – мой подарок на день рождения: пятнадцать минут на побег.

И пусть эта идея заведомо обречена на провал и грозит мне путевкой в зловещую тюрьму «Карсум Либертатис», я обязана этим воспользоваться.

Я должна рискнуть.

Глава первая. Ливий Велатус

Пятьдесят лет назад страшная эпидемия выкосила большую часть населения Земли. Наше островное государство лишилось двух третей своих граждан. Уцелевшие были готовы выжить любой ценой: они сожгли корабли, взорвали все летательные аппараты и обрубili малейшие связи с зараженным миром снаружи. После принятия мер предосторожности они вплотную приступили к возрождению популяции.

Трудолюбивые чрева породили Империум, а вместе с ним и нас – «Фациес Венена», оплот порядка среди хаоса и пустоты. *Dura lex sed lex*. Мы – закон. Мы – тайная полиция нового мира. Тайная... лишь условно. Наше существование – ни для кого не секрет.

В Империуме вообще ни у кого нет секретов.

А у меня есть...

Mi pomen est Ливий Велатус и недавно меня повысили в должности. Теперь я с честью ношу черную форму оптио с серебряным шнуром через плечо и бляху со знаком подразделения. В отличие от младших чинов, нам выделяется целых шесть свободных дней в месяц. Нас лучше кормят. Мы избавлены от участия в рейдах и патрулировании, а львиная доля нашей работы сосредоточена в штабе. Но и тут мне повезло куда больше, чем моим товарищам: я, а не кто-то другой, удостоился привилегии стать правой рукой центуриона.

Я веду протоколы допросов. Моя задача – смотреть и записывать, наматывать на ус, учиться у лучших. У лучшего. У легендарного центуриона Креона Прэтора.

От этого имени трепещет любой заключенный в «Карсум Либертатис», оно внушает уважение каждому в «Фациес Венена», и только я имею право звать его своим другом. Это право даровал мне сам куратор тайной полиции. Он решает, кто с кем будет «дружить». Или, правильнее сказать – кто за кем будет шпионить.

Сегодня куратор снова призывает меня к себе.

Он очень стар, и тонкая, как папирус кожа, туго обтягивает его лысый череп. Не смотря на почтенный возраст, он самый могущественный и опасный человек во всей столице. Жернова его великих дел запросто перемалывают кости таких, как я.

Он способен уничтожить меня одним взмахом руки, как способен уничтожить любого, даже такого несокрушимого атланта, как Креон Прэтор. К атлантам сложнее подступить, да только и они смертны. И у них есть свои слабости.

— Поздравляю с повышением, мой юный друг, - дружелюбно говорит куратор, и его ладонь режет воздух, окидывая стол с напитками. Хотя у меня и пересохло в горле от волнения, а угоститься настоящим чаем – редкая удача, я вежливо отказываюсь.

— Благодарю, господин.

Куратор поднимается с кресла и обходит меня по кругу мягкой походкой хищника. Я держу голову прямо, и украдкой разглядываю грубое сукно его одежды. Он не носит торжественных знаков отличий, золотой и серебряной имперской символики, отдавая предпочтение чему-то скромному и простому. Лишь на праздники он облачается в церемониальный плащ с пурпурным подбоем. Сюда он, понятное дело, приехал без него.

— Я думаю, ты догадываешься, что здесь не обошлось без моего участия, - продолжает куратор, чуть улыбаясь, - уже вторая услуга, оказанная мной, верно, Ливий?

— Да, господин, - повторяю я, и все же замечаю, - но в этот раз...

— Не стоит, - пресекает он, - считай это поощрением за верную службу. Я не потребую с тебя чего-то сверх меры. Моя цена останется прежней.

Я открываю рот, намереваясь снова сказать:

Да, господин.

Почтение и послушание – первые уроки, что осваивает каждый рекрут «Фациес Венена». Их вбивают нам в головы и кости... в буквальном смысле.

Насилие – лучший учитель.

От очередной порции благодарностей меня останавливают узловатые пальцы куратора, по-отечески поправляющие перекрутившийся шнур у меня на плече.

— Ты – мои глаза и уши, Ливий, - напоминает он. Будучи, как и все пожилые люди, подверженным философским настроениям, дальнейшее он добавляет задумчиво, - лишь тот, кто имеет свои тайны, способен в полной мере овладеть чужими.

— Да, господин, - соглашаюсь я.

— Но помни, мой юный друг, - говорит куратор, - я занятой человек и оттого высоко ценю свое время. Тебе не стоит испытывать мое терпение.

Это было очевидно с самого начала: никто не повышал меня за заслуги, по правде, весьма посредственные; никто не назначил бы *меня* правой рукой центуриона просто так.

Куратор ждет, что я принесу ему голову Креона Прэтора на золотом блюде, как изысканную закуску. Он хочет сделать из его черепа кубок и испить из него вина. И он прав – я действительно лучшая кандидатура для вероломного предательства, поскольку поводок, брошенный мне на шею, не оставляет права выбора.

Погубить того, кому я поклялся в верности.

Или приговорить себя самого.

Десять листов протокола заполнены моим педантичным почерком, а одиннадцатый я оставляю себе. Я подкладываю его между остальных, и проставляю номер дела уже на двенадцатом. На свой страх и риск, я проворачиваю это каждый раз, делая записи на допросах.

Так у меня образуется бумага для личных заметок.

Я прячу ворованные страницы в небольшой трещине между стеной и умывальником, в своей комнате общежития «Фациес Венена». Огарок свечи, раздобытый в ночь перебоев с электроснабжением, идеально уместается в сливное отверстие раковины. Со спичками и ручкой пришлось проявить больше смекалки: кусочек клейкой ленты удерживает их между решеток радиатора.

Это вынужденные меры. Префект общежития проводит обход каждый вечер, и тщательно изучает каждый дигит в наших комнатах. Свободы у нас не больше, чем у заключенных. Только глупец станет прятать писчие принадлежности у себя под матрасом. Там смотрят в первую очередь.

Лишь после ухода префекта, когда мир погружается в темноту, я приступаю к делу.

Это не исповедь. Не роман, который никогда не будет опубликован. Не сатирические заметки о быте и внутренней кухне «Фациес Венена». Не философский трактат. Юпитер упаси: у меня нет грандиозных идей или каких-то там важных мыслей, что стоило бы донести до потомков. Я не берусь выносить оценку системе, общественному строю или людям вокруг, и уж точно не намерен разглаживать о необходимости каких-то там перемен.

Мои записи – *praesumptio innocentiaerae*, но вовсе не для меня.

Я не стану раскрывать на этих страницах свой гаденький секрет, но считаю важным сообщить, что в него был посвящен господин куратор. Это он не доложил обо мне. Он нарушил правила ради личной выгоды. Он меня покрывал. Это все он, он, он.

Я не ставлю себе цель скомпрометировать значимую персону, и мне, по сути, нет до этого дела, хотя я примерно и представляю, какими будут последствия. Даже жаль, что я не увижу этот колоссальный скандал своими глазами. Если мои записи попадут в чужие руки, мои глаза

вообще ничего уже не увидят. Меня казнят. Куратора, возможно, тоже. Мне его не жаль, но я не желаю ему смерти.

Мне нужно другое: чтобы *все* знали: центурион Креон Прэтор не виноват.

Он понятия не имел, кого допустил в немногочисленный круг своих приближенных; кем на самом деле являлся Ливий Велатус. Креон - одна из жертв моего обмана. Ему нечего предъявить. Он достойный человек с крепкими принципами.

Вот и все, что мне хотелось сказать.

Впрочем, у меня есть крошечная просьба к тому, кто будет назначен на рассмотрение моего дела:

Пусть именно центурион Прэтор и приведет приговор в исполнение. Он имеет на это неоспоримое моральное право. Я предал его доверие и заслуживаю смерти от его руки.

Конечно, никто не предоставит мне права выбора. Но, сидя на полу, над утаенными казенными листами, я могу позволить себе помечтать:

Я хочу, чтобы *он* стал моим палачом.

Мы никогда не будем ближе, чем в момент, когда нас повенчает смерть.

Sub specie aeternitatis.

Несколько раз в год в Империи проходят праздники национального масштаба.

С граждан снимаются все обязанности, приостанавливается ведение дел и исполнение приговоров, и даже сотрудники «Фациес Венена» могут позволить себе побыть простыми людьми. Разумеется, если сберегли «отпускные» дни. Остальным полагается и дальше следить за порядком.

Тираны и милесы, кому выделяется в месяц всего по два и четыре дня на отдых, хмуро шныряют между толпы с табельным оружием наперевес, и не пытаясь утаить зависть к беззаботным гулякам. Они и сами не прочь надраться, потанцевать и приударить за незамужними женщинами, еще не приступившими к исполнению долга перед страной.

Насколько мне известно, эти массовые мероприятия и задуманы, чтобы подтолкнуть молодежь к заключению союзов и повышению рождаемости. Уже стало традицией, что вскоре после праздника в «Бенефиции» выстраиваются очередь из желающих узаконить брак. Через девять месяцев повсюду затрубят о резком всплеске рождаемости.

Аве, Империи!

Не обходится и без скандалов в «Фациес Венена»: мы блюдем целибат, принося себя в жертву общему благу, но нет-нет, а кто-то возьмет и нарушит устав ради пары синих глаз или заодно-торчащих сисек.

Конечно, за такое не предполагается наказания – произвести потомство – тоже своего рода служба отечеству, только о «престижной» карьере в наших рядах можно забыть.

Лично я не имею амбициозных фантазий о том, чтобы дослужиться до центуриона или – страшно сказать – трибуна, как не жалею, что отринул другой путь – обзавестись семьей. Мне не нужно ни то, ни другое. Но я искренне радуюсь, что и моего *друга* Креона это тоже не сильно интересует. Он еще относительно молод, ладно сложен и хорош собой, но по натуре волк-одиночка, и всецело предан своей службе в «Фациес Венена».

Если куратор не прикончит его моими руками, то, зуб даю, однажды, Креон займет его место. Я предполагаю, что по этой причине старик и желает его устранить. Рано или поздно на смену куратору придут такие, как центурион Прэтор, молодые, сильные и идейные.

И мир станет лучше.

Бла-бла-бла.

Мы наблюдаем парад, устроившись на пригорке холма возле «Бенефиция», и, приметив куратора в праздничной колеснице, я невольно сравниваю его и Креона.

Куратор облачен в свое торжественное одеяние. Подкладка его плаща развевается на ветру и полыхает всеми красками вишневой мягкости. Он приветствует толпу царственным жестом, и под звуки праздничных маршей произносит речь о плодородии и процветании.

Аве, Имперium.

А мой наставник... по нему и не скажешь, что он ночной кошмар заключенных «Карсум Либертатис», дознаватель и палач, жестокий и безупречный центурион, лучший из всех, кто когда-либо носил форму тайной полиции и все в таком духе. Сегодня на нем, хоть и застегнутая по армейской привычке на все пуговицы, но простая, гражданская одежда. Лишь его короткая стрижка и шрамы говорят о годах, проведенных в рядах «Фациес Венена». Креон куда старше меня и застал еще те масштабные восстания, что в свое время угрожали благополучию Империя. Сейчас трудно поверить цену, что пришлось заплатить за покой и стабильность.

Иногда я представляю, что мои родители могли быть одними из бунтовщиков и тоже содержались в «Карсум Либертатис». Это глупые домыслы. Мне ничего о них неизвестно. А мой наставник имеет какую-то почти сверхъестественную способность ловить меня за такими нелепыми фантазиями. Вероятно, смутянство в эти моменты слишком отчетливо написано на моем лице.

— Что за кислый вид, юнец? – спрашивает он, и я тут же смущенно отвожу взгляд. – Где радость по случаю твоего повышения? Мы наконец-то можем это отметить.

— Отметить, – заторможено повторяю я.

Я не могу поделиться с ним, что приватная беседа с куратором убила во мне все воодушевление.

— Да, Ливий, – говорит Креон, – например, выпить чего-то по случаю. Ты когда-нибудь пробовал алкоголь?

— Нет, господин, – бубню я себе под нос.

Обращение по имени из его уст, безусловно, приятно, но режет мне слух. Да и я не способен отзывать без должного уважения даже в неформальной обстановке. Распитие спиртных напитков, порицаемое, но не запрещенное полностью в рядах «Фациес Венена», находится явно за пределами той «неформальности», которую я могу себе позволить.

Для меня уже само по себе нонсенс проводить время со своим наставником в нерабочее время, пусть это и подразумевается дружескими отношениями.

Я смущаюсь. Смущаюсь от его предложения, смущаюсь от того, что мы сидим на холме и глазеем на парад, как обычные люди. Смущаюсь от того, что, опустив глаза, могу видеть его босые ступни, зарывшиеся в траву, и ботинки, стоящие рядом. Меня так и подмывает спросить: зачем он это сделал? Креон Прэтор и в знойный день не расстегнет единую пуговицу на одежде, и вдруг избавился от обуви. Эта потребность соприкоснуться с природой кожей отдает чем-то первобытным, и настолько личная, что мне неловко быть тому свидетелем.

Это явно не то, что от меня ждет услышать куратор. Он хочет получить доказательства того, что Креон – предатель, а не обычный человек с безобидными причудами.

— Я не думаю, что это хорошая идея, – запоздало отзываюсь я.

— Не волнуйся, юнец, – успокаивает меня Креон, – как твоему наставнику, мне следует проконтролировать твое первое знакомство с алкоголем.

Я кое-как отрываю взгляд от его ног, облепленных травинками, и недоверчиво смотрю ему в лицо.

Разве это входит в обязанности наставника?

Нет, не входит.

Креон подтрунивает надо мной, и уголки его губ кривятся в улыбке. Никто в «Фациес Венена» ни за что не поверил бы, что строгий, холодный и властный центурион Прэтор вообще

на это способен. Я невольно испытываю гордость, что об этом ведаю только я. Это – наш маленький секрет.

И куратор его не получит.

Как и Креон не получит моих секретов, напоив меня, скорее всего, с целью развязать мой язык. Я в курсе, как на людей действует алкоголь, и не просто так его избегаю. Я также в курсе, что не только я присматриваюсь к своему наставнику, но и он ко мне. В Империи все друг за другом следят. Это такая игра – кто донесет первым. На соседа, друга, или члена семьи.

— Нам не полагается распивать спиртные напитки. Мы обязаны быть примером для подражания, - чеканю я, рассудив, что предложение Креона – своего рода проверка.

Его взгляд непроницаем, как и всегда. Я не вижу в нем ни разочарования, ни одобрения, но улыбка медленно гаснет на его лице.

Он нагибается, чтобы пропустить травинку сквозь пальцы, и массивный перстень с орлом на гербе – отличительный знак центуриона – бликует на солнце.

Мне хотелось бы согласиться. Мне хотелось бы позволить алкоголю развязать мой язык, и поведать Креону все мои тайны. И про сделку с куратором, и про то, кто я такой.

Но я не имею на это права.

Я постукиваю ручкой по листу, где уже вписан номер допроса. Он вот-вот начнется.

Рябой тирон вносит металлический бокс с уликами по делу. Он почтительно склоняет голову перед нами, старшими по званию, и неаккуратно плюхает ношу на стол, словно она весит целый талант или жжет ему пальцы.

— Аккуратнее, - журит мальчишку Креон, пригвождая несчастного взглядом.

Бедняга вжимает голову в плечи так сильно, что его цеплячья шейка полностью скрывается в воротнике униформы цвета цемента. Без сомнения, он слышал те страшилки о центурионе, что пересказывают друг другу салаги «Фациес Венена». Мол, Креон Прэтор вырывает голыми руками сердца арестантов и ест их на завтрак, а провинившимся тиронам отрезает пальцы. И тоже ест, но уже на обед.

Понятия не имею, почему львиная доля этих рассказов зиждется на специфических гастрономических предпочтениях. Я точно не замечал за своим наставником ничего подобного. Его быт куда аскетичнее, чем о нем думают.

— Извините, господин, - умоляюще говорит тирон и семенит к выходу.

Двое милесов вводят заключенного.

Его грубо швыряют на стул, и изнуренное заточением тело растекается по жесткому сидению, словно растаявшее сливочное масло.

— Имя, - распоряжается Креон.

— Деций Мануций, - шуршат разбитые губы арестанта.

Я вношу данные в протокол: возраст, род деятельности, семейное положение. У арестанта нет ни жены, ни детей. Откуда им взяться?

Он обвиняется...

Я нервно сглатываю, радуясь, что Креон сидит ко мне спиной и не может заметить моего смятения.

— Вам известно, почему вы здесь? – обращается центурион к заключенному.

— Я невиновен, - без особой уверенности в голосе откликается тот, - меня оклеветали...

Я порядочный человек.

Креон откидывает крышку ящика, принесенного мальчишкой, и, натянув перчатку, извлекает содержимое. Я ерзаю на месте, чтобы из-за его плеча увидеть улику. Издалека она выглядит, как склизкие рыбы легкие. Это прозрачная желтая пленка, похожая на изделия из

того материала, которым когда-то был захламлен весь окружающий мир. Я копаюсь в памяти, вспоминая уроки истории. Целлофан. Кажется, он назывался так. В Империи нет сырья для его производства.

В общеобразовательной программе упоминались разные способы его применения, однако, о некоторых из них не принято говорить в приличных местах. Я уже догадываюсь, что это. Мое любопытство растет. Я впервые вижу это воочию. Оно мерзкое... но так и хочется приблизиться и рассмотреть. Или ткнуть кончиком ручки.

— Хорошо, - спокойно говорит центурион, - тогда объясните, обвиняемый Мануций, почему при медосмотре *это* извлекли из вашего анального отверстия?

Улика болтается между его пальцев.

Креон не испытывает отвращения. Его в принципе трудно смутить, но в комнате для допросов он окончательно превращается в бездушную машину. С таким же успехом он мог демонстрировать арестанту отрезанную голову животного или человеческую конечность, и ни один мускул на его лице бы не дрогнул.

Улика – всего лишь улика, и не важно, что она из себя представляет, и *где* именно ее обнаружили во время той унижительной процедуры, которой подвергают всех подозреваемых в измене плоти. Процедура эта, надо думать, сама по себе уже наказание. Сомневаюсь, что мышцы сфинктера способны рассказать о пристрастиях человека больше, чем он сам на последующем допросе. Если я попадусь, мои точно будут молчать.

Мануций смотрит на улику, выпучив глаза так, что на его вытянутой физиономии они кажутся комически огромными.

— Мне это подбросили... - начинает он, но тут же затыкается, осознав, как глупо то, что он собирается сказать дальше. Подбросили. Прямоком в прямую кишку. Ага. Я бы посмотрел на злоумышленников, обладающих такой ловкостью рук.

Я давлю нервный смешок.

Креон бережно возвращает улику в коробку, стягивает перчатки и встает. Это завораживает и пугает, как под китем распрямляются мышцы на его могучей спине, словно крылья огромной хищной птицы. Он оказывается рядом с арестантом, и, склонившись над ним, заглядывает тому в лицо. Я почти физически ощущаю страх Мануция, заставляющий воздух в комнате сгущаться и трепетать.

— Интересная выходит ситуация, - тихо и вкрадчиво говорит центурион, - вы утверждаете, что вы «порядочный человек», но почему тогда запрещенный предмет оказался в вашем теле? Как он туда попал?

Арестант опускает голову и смотрит на свои руки, сложенные на тощих коленях. Тюремная роба висит на нем, как мешок для овощей. Он тербит ее краешек, но вынужден прервать это увлекательное занятие - ладонь Креона с грохотом впечатывается в спинку сидения в дигите от плеча Мануция. Тот подпрыгивает на месте.

Центурион всегда использует эту тактику. Первый удар – предупредительный. Второй уменьшит количество зубов заключенного. Третий выбьет из него все дерьмо. Четвертый...

Не будем об этом.

— Молчите, - елеиным, будто ласковым голосом продолжает Креон Прэтор, - если вы не желаете поведать нам подробности, то сделаю вам одолжение: запишем, как есть. Вы отправитесь в шахты. Это тяжелый труд, он не каждому под силу, да и «изнаночников» там не любят. Нигде не любят. Вы, надо думать, уже оценили теплый прием...

— Я невиновен, - скулит Мануций, - я не такой. Клянусь...

— *Qui tacet, consentire videtur*, - с тяжелым вздохом произносит Прэтор, и обращается уже ко мне, - пишите, Велатус: *ex lege*...

— Нет, постойте! – не выдерживает заключенный. Он весь подбирается, и в нем вспыхивает, казалось бы, давно угаснувшая искра жизни. Видать, содержание в «Карсум Либерта-

тис» и правда не пришлось ему по вкусу. «Теплый прием», о котором говорил Креон, сильное преуменьшение правды. Бедняге Мануцию, скорее всего, уже довелось испытать на себе все прелести презрения охраны и других арестантов.

— Ладно, - выкрикивает Мануций, - ладно-ладно-ладно! Я сам туда это засунул, хотел спрятать! Но я никогда не занимался изменой плоти. Мы использовали *это* с женщиной...

— Отлично, - удовлетворенно говорит Креон, - Велатус, пишите: имя женщины, возраст, статус в «Бенефиции»...

— Нет, - умоляет заключенный, - пожалуйста. Не надо. Я не скажу вам, кто она. Она... она законопослушная гражданка. У нее уже есть дети, мы просто не хотели...

Мерзкий кусок дерьма – думаю я, поражаясь внезапно охватившему меня гневу.

В такие моменты я искренне жалею, что связал свою жизнь с «Фациес Венена», и, конечно, что мне «посчастливилось» стать помощником дознавателя. Как правило, меня не трогают плаксивые речи заключенных, но трусость и лицемерие Деция Мануция по-настоящему отвратительны. Он не скажет имени сейчас, но сделает это позднее. В любом случае, личность женщины вскрыется и ничего хорошего ее не ждет.

Деций и сам это понимает.

Но слов нельзя вернуть назад.

— Ее имя, - повторяет Креон, и добавляет мягче, - не беспокойтесь, Мануций. Если она действительно законопослушная гражданка, мы все проверим и отпустим ее с миром.

Арестант вдруг взрывается:

— Да пошли вы нахер! – орет он и его голос дребезжит, отражаясь от металлических поверхностей и гулких бетонных стен, - это не ваше собачье дело! Не ваше! Да, мы не хотели детей! Потому что она уже свое отработала, и еще один рот...

— Хватит, - прерывает его Креон угрожающим полусшепотом.

Арестант умолкает, и, кажется, перестает даже дышать. Его бьет крупная дрожь. По его плешивой голове одна за другой катятся капельки пота. У воротника рубы и подмышками расплзаются влажные пятна. Еще одно проступает у него между ног – его мочевой пузырь не выдержал нервного напряжения.

Центурион обходит стол, будто устало опускается на свое место, и щелкает кнопкой переговорного устройства.

— Уведите.

Я утыкаюсь в свои записи, тщательно выводя слово за словом.

— Вы злобучие выродки, - бросает Деций уже в дверях, за что один из пришедших за ним милесов награждает его смачным тумаком под дых.

Вс-с-с – воздух из глотки несчастного вырывается со звуком спущенной покрышки. Следом из коридора доносится еще несколько глухих ударов.

Мы остаемся одни, и Креон жестом манит меня ближе к себе. Представление, устроенное заключенным, оставило его равнодушным. Но центурион явно о чем-то размышляет, глядя в мою сторону - между бровей залегла вертикальная складка, а пальцы барабанят по поверхности стола.

Я теряю всю свою армейскую выправку, жалко шаркаю подошвами по полу. И вот я уже смотрю в коробку и вижу ее содержимое.

— Знаешь, что это, Велатус? – спрашивает Креон.

— Нет, господин, - вру я.

Я знаю: это средство контрацепции – привет из прежних времен. Когда-то их изготавливали из многих материалов, но конкретно этот экземпляр органического происхождения. Я слышал, что некоторые умельцы делают их из высушенных свиных кишок, а после используют по многу раз. Это негигиенично, но куда больше впечатляет сам факт, что кто-то не брезгует

натягивать на свой хер зловонные потроха, да еще и тыкать этой мерзостью в священное женское лоно.

Мне по-своему повезло, что я избавлен от такой необходимости.

— Умница Ливий, - говорит Креон, - хороший *мальчик*.

В перерыве я успеваю сбежать за стаканом воды для центуриона. Он сух в эмоциональных проявлениях, но я и без них знаю, что он благодарен. Допросы – утомительная работа, по-настоящему кропотливый труд. Я подмечаю следы усталости на его лице, пока он пьет воду с жадностью путника в пустыне. Отставив стакан в сторону, он всматривается в документы, разложенные перед ним на столе. Тяжелый перстень с гербом лязгает о металл, пока Креон перебирает страницы.

Бряц-бряц-бряц.

Я возвращаюсь на свое место и тоже утыкаюсь в бумаги. Последний допрос оставил мне неприятное послевкусие, и я остро нуждаюсь в том, чтобы отвлечься на бюрократические нюансы. Это трудно. Мои глаза скользят мимо строк, а содержание не достигает до мозга. Я все еще перевариваю увиденное и услышанное. Слова, брошенные моим наставником, по-прежнему звучат у меня в голове.

Что это значило? Что-то же значило?

Задумавшись, я не замечаю, как два милеса вводят следующего арестанта, а зря. Это более, чем достойно внимания. Покосившись в сторону двери, я уже не могу отвести взгляд, тарашусь, как глупый ребенок на площадного шута.

Как правило, женщины в «Карсум Либертатис» нечастые гости, а особенно молодые красивые женщины детородного возраста. По моей беглой оценке, заключенной не больше двадцати лет. Она юна и прекрасна, как сама весна, будто луч апрельского солнца проскользнул в эти мрачные стены и озарил их своим сиянием.

Бездонные озера ее глаз устремлены на меня. И от ее взгляда мне становится не по себе.

Ножки стула со скрежетом ползут по бетонному полу. Отвратительный звук еще больше нагнетает обстановку. От него мне чудится, что мне вырывают сразу несколько зубов.

Тело заключенной приземляется на сидение совсем невесомо, словно перышко, подхваченное потоком воздуха.

— Имя, - начинает центурион Прэтор.

Я смахиваю с себя наваждение и готовлюсь записывать. Я здесь, чтобы вести протокол.

Или, вероятно, чтобы взглянуть в нежное лицо своей смерти.

В ее лицо.

— Юлия Силва, - отвечает она.

Глава вторая. Юлия Силва

В конце весны мы с моей подругой Фаустиной вместе отправились на гуляния по случаю праздника плодородия. Горизонт казался безоблачным: времени до моего дня рождения оставалось достаточно, а у меня, вроде как, все было «схвачено».

Клавдий сам завел речь об этом, и мы заключили своеобразную сделку. Он признался, что был «немного» влюблен в меня в школе, оттого предложил свою кандидатуру на роль моего будущего супруга. Мы знали друг друга с детства, и чувства к нему у меня были скорее братские, но за неимением альтернативы я согласилась. Куда лучше сочетаться браком с человеком хоть сколько-то тебе близким, чем подвергнуться унижительной процедуре спаривания со случайными партнерами в центре «Репродукции и продукции».

Раз, другой, третий, десятый...

Болезнь, когда-то убившая большую часть людей в стране, не обошлась без последствий и для уцелевших. У последующих поколений сильно ослаб иммунитет, наблюдались генные мутации и проблемы с фертильностью. Зачастую, женщинам, очутившимся в центре, приходится вступать в связь с дюжиной мужчин, прежде чем наступает беременность.

Пропаганда называет это «работой на результат».

Также, как трудятся рабочие на заводах, должны упорно трудиться и мы – лежа с раздвинутыми ногами.

Клавдий сказал, что не позволит мне пройти через это, и я была чрезвычайно благодарна ему за такие рыцарские слова.

Он сказал, что не станет на меня давить.

В ответ я поклялась, что попробую его полюбить, пусть на это и понадобится время.

К счастью, Империи куда больше заинтересован в детях, рожденных в семье, нежели произведенных в центре «Репродукции и продукции», отчего женатым людям дается масса поблажек. Два года на первого ребенка, перерыв в три перед вторым, и по целых четыре на всех последующих. Как бонус – возможность заниматься воспитанием самостоятельно и щедрое финансовое поощрение. Никаких казенных заведений, куда новорожденных забирали чуть ли не после первого крика. Никакой очереди на оплодотворение у дверей твоей палаты. Никакого насилия. Все добровольно.

Оттого я по-настоящему обескуражена, когда Фаустина вдруг говорит:

— Я вчера была в центре.

Мы сидим на холме неподалеку от монументального здания «Бенефиция», пьем лимонад, и глазеем на праздничную суматоху на площади. Нас куда больше привлекает возможность поехидничать над разрядившимися в пух и прах высокопоставленными чиновниками, нежели сам парад. Это правда забавно – все эти пестрые, помпезные одеяния, что напялили на себя палачи и садисты. Они – словно сама смерть, примерившая шутовской наряд.

Я давлюсь, и напиток едва не идет у меня через нос. Я перевожу взгляд на Фаустину.

— Зачем? – спрашиваю я, – до твоего дня рождения еще есть время.

— Затем, – спокойно откликается она, – хотела все разузнать, посмотреть. Я не найду мужа за пару месяцев.

— Да ладно, – фыркаю я, – ты красавица. Ты запросто кого-то найдешь и...

Фаустина и правда безобразно красива, и хороша той красотой, что особенно котируется в Империи. У нее большие глаза, широкие бедра и волосы оттенка белого золота. Обладает она и другими достоинствами, которых я лишена. У нее кроткий нрав. А еще Фаустина искренне хочет стать женой и матерью, и в школьные годы усердно постигала необходимые для того предметы, вызывавшие у меня лишь раздражение.

Я так и не решила, чем хотела бы заниматься.

Когда в стране произошел третий энергетический кризис, я воображала, что спасла бы всех, открыв в себе талант к инженерному делу. Когда возникла угроза новой волны пандемии, я грезилась, как найду лекарство. Когда засуха сгубила весь урожай, я решила, что могла бы стать агрономом. Но я не проверяла на практике, пригодна ли я для чего-то из этого.

Меня возмущает сам факт, что в Империи трудятся только женщины, непригодные для размножения. Да и работа эта... Едва ли работа мечты. Я никогда не видела их своими глазами, но слышала немало разговоров о том, как безрадостна участь «пустышек».

Везение это или нет, но пригодным, как мы с Фаустиной, полагается посвятить себя производству потомства, а не горбатиться с трупной тележкой в инфицированных регионах.

Впрочем, после исполнения священного долга, мы все же вправе найти себе занятие по вкусу, но выбор совсем невелик. Можно стать школьной учительницей по домоводству, помощницей в центре «Репродукции и продукции» или реализовать себя в пропагандистском искусстве. Например, написать книгу, вдохновляющую молодое поколение на создание крепкой семьи, симфонию о любви к родине, жизнеутверждающий пейзаж, хвалебную оду, или, если после пятых родов твоя красота не увянет, сняться в кино.

Из-за кино, вероятно, моя бедная Фаустина и отправилась добровольно в то место, одна мысль о котором вызывает у меня тошноту.

Недавно вышла новая кинокартина «Страсть – это долг»: про бедную сироту, попавшую в центр «Репродукции и продукции» и встретившую там свою любовь. Одним из первых партнеров героини оказался добрый, нежный и чуткий красавец, который влюбился в нее и тут же предложил руку и сердце. Остальные сорок минут фильма они собирали нужные справки, чтобы выволить девушку из центра и узаконить свои отношения, а после... ругались из-за ревности, вспыхнувшей в кавалере: его ли чадо ждет героиня или кого-то из предшествовавших кандидатов?

Вам интересен финал?

Догадайтесь.

Кавалер сказал: это не важно, я все равно буду любить это дитя.

Отвратительная, слащавая ерунда, но моя Фаустина смотрела со слезами умиления на глазах. Я кривилась, но в кинотеатре всегда две программы: про сталелитейный завод и про любовь. Про завод мне уже набил оскмину. Это еще большая чушь, чем «Страсть – это долг».

— А если я не хочу? – начинает подруга и мое сердце пропускает удар. Я жду, что она скажет что-то крамольное в духе «если я не хочу этого всего?». Но она заканчивает, убивая во мне робкий росток надежды: - Не хочу искать?

— Только не говори, что тебя вдохновил тот глупый фильм! – взрываюсь я, - Фаустина, так не бывает в жизни! Что тебе наплели в центре? Что тебе огласят весь список кандидатов? Это ложь! Их будут запускать к тебе по очереди, а ты даже не будешь знать их имен. Родишь ребенка – толком не зная от кого. Его отберут и ты его никогда не увидишь, как и своего героя-любownika!

— Герой-любownik, - повторяет Фаустина с блаженной улыбкой, - и где ты только все это берешь? Сама тайком читаешь романы?

— Читаю, - сдаюсь я, и желчно добавляю, - потому что больше нечего! Я бы лучше учебник по географии почитала, чем эти романы.

— География... - нараспев тянет подруга, - зачем тебе это? Хочешь уехать из столицы?

— Хочу узнать про мир вокруг, - признаюсь я, - за пределами...

Я осекаюсь и встревоженно оглядываюсь по сторонам: на площади грохочет марш, а другие компании, расположившиеся на склоне, далеко, но в Империи везде найдутся чужие уши, готовые вцепиться в опасные слова. Тут и там я вижу праздничную синюю форму тиронов и милесов, младших братьев «Фациес Венена». И пусть они здесь, чтобы отдохнуть, с удовольствием избыют меня дубинкой, если услышат, о чем я болтаю.

География – не какое-то секретное знание, а в школьном курсе нам достаточно рассказывают об устройстве Империи, его городах, природе и сельскохозяйственных регионах. Большого нам знать не нужно: за морем ничего нет.

Болезнь уничтожила остальной мир.

Выжили только мы, потому что были разумными и осторожными.

Нам обещают, что когда-нибудь, когда мы родим достаточно детей, будут построены новые корабли и люди заселят опустевшие территории. Понадобятся долгие годы и целые поколения, мы с Фаустиной вряд ли до этого доживем. Нам придется довольствоваться тем, что есть – жизнью в стеклянной банке, ограниченным мирком куриц на птицефабрике.

Беседа заходит в тупик.

Фаустине нет дела до географии. Она подбирает среди травы небольшой цветок, садится поближе, и пристраивает находку в мою прическу. Отведя в сторону мои волосы, она шепчет:

— Хорошо, дорогая, будь по-твоему, - ее дыхание щекошет мне ухо, - я попробую сегодня кого-то найти, ведь сама Юнона благоволит союзам, заключенным в этот день. Смотри... Только не пялься!

Но я делаю именно то, от чего она меня предостерегает: поворачиваю голову и прослеживаю направление ее взгляда. Выше по склону сидят двое мужчин.

— Такой симпатичный, - продолжает подруга, - подойду и познакомлюсь!

Я почти радуюсь, что мне удалось достучаться до задурманенного романтическими бреднями разума Фаустины и сподвигнуть ее к экстренным поискам супруга. Мои глаза изучают босые ступни в траве, скользят вверх по икре, пока не спотыкаются о кисть руки, покоящуюся на колене. Я замечаю кольцо.

Проклятье!

Фаустина уже оправляет юбку, прежде чем встать, но я хватаю ее за руку.

— Стой, - испуганно шепчу я, - не вздумай!

— Почему?

Цветок, вдетый в мою прическу, срывается и падает вниз, исчезая среди травинок на склоне. Солнце больше не греет. Из земли, на которой мы сидим, струится холод, заползающий мне под кожу и наполняющий все мое существо.

— Тот, что постарше – центурион, - выплевываю я, - они из «Фациес Венена».

Меня не обмануть гражданской одеждой.

— С чего ты взяла? – недоумевает Фаустина. Я чувствую, как под моими пальцами камнеет ее предплечье.

— Кольцо, - поясняю я, - женщины их не интересуют. Они предпочитают драть друг друга, конечно, когда не заняты допросами и пытками.

У Фаустины куда более весомый повод ненавидеть этих людей, чем у меня. «Фациес Венена» когда-то казнили ее отца, распорядителя продовольствия, утаившего в голодный год крохи для своей семьи. Это по-настоящему возмутительно, что не мелкие сошки, а крысы из тюремных застенков посмели выползти на свет и показаться нам на глаза.

Уж лучше центр «Продукции и Репродукции», чем спутаться с кем-то из них. Лучше смерть.

— Врага нужно знать в лицо, - говорю я.

До комендантского часа еще есть время, а я не хочу идти домой, потому направляюсь к Клавдию. Мне сейчас не выдержать тишины и одиночества пустой квартиры, а он – мой последний близкий человек. Только он способен понять меня и утешить. В конце концов, совсем

скоро мы станем мужем и женой, а значит, нам следует делиться друг с другом, как хорошим, так и плохим.

Клавдий живет в другом квартале столицы, домусы здесь куда симпатичнее и почти не напоминают бараки. Они просторные, малоэтажные, оборудованные балконами и уютными палисадниками, где днем всегда стоит суматоха из-за резвящейся детворы. Этот квартал был отстроен специально для многодетных семей, чтобы продемонстрировать, как о них заботится государство.

Семья Клавдия считается образцово-показательной. У него целая орава братьев и сестер, а его родители – уважаемые граждане и почти герои. Они завели всех своих отпрысков еще до ужесточения репродуктивной политики, когда для хорошего социального статуса было достаточно иметь всего троих детей. С Клавдием их семеро, а его мать, хоть и считается старородящей, но опять на сносях. Видя это розовое, округлое лицо, пухлые предплечья и большой живот, я поражаюсь ее здоровью. Складывается впечатление, что она и восемьдесят лет продолжит выталкивать из своего чрева младенцев во славу Империи.

Аве, аве, аве.

Дверь мне открывает младшая сестра моего жениха. Ей десять лет – у нее смешные косички и чумазый курносый нос, она еще не имеет и малейшего представления о том, что ждет ее в будущем. Вероятно, к моменту ее совершеннолетия требования станут жестче. Или все это безумие наконец прекратится. Одному Юпитеру известно, что будет.

Стоит нам хоть немного расслабиться, боги шлют нам испытания: не голод, так новый очаг распространения той страшной болезни. А государство всегда реагирует на трудные времена радикальными мерами.

— Как дела? – спрашивает малышка, сопровождая меня сквозь лабиринты их огромной квартиры к комнате, что Клавдий делит со старшим братом.

Я не знаю, что ей ответить. Ответ отягощает мою наплечную сумку. И ответ этот точно не для ушей маленькой девочки. Я бормочу что-то невнятное, и, сестра жениха с готовностью вываливает на меня рассказ о своей беззаботной жизни, пока строгий взгляд Клавдия не вынуждает ее заткнуться.

Он хорошо меня знает. Он сразу понимает, что что-то не так, плотнее прикрывает дверь и заключает меня в объятия.

— Юлия, что случилось? – спрашивает мой жених, успокаивающе поглаживая меня по спине и волосам, - кто тебя обидел?

— Я... она... - только и могу молвить я.

Конечно, я принимаюсь реветь. Я держала это в себе с момента, как посетила центр «Продукции и репродукции».

Струна слишком долго была в напряжении и лопается.

Клавдий усаживает меня на постель и отлучается за стаканом воды.

Я утираю слезы рукавами, и вытаскиваю из сумки небольшой бумажный пакет, что мне выдали в центре. Вернувшись, мой жених придирчиво разглядывает содержимое, а я пью воду рваными, судорожными глотками. Капли стекают у меня по подбородку, но я этого не замечаю.

— Что это значит? – беспомощно роняет Клавдий, - Юлия...

— Я и без тебя знаю, как меня зовут, - не сдерживаюсь я, - ты же сам все понимаешь!

— Нет, милая, - возражает он, - не понимаю. Это...

— Это вещи Фаустины, - почти кричу я, - их отдали мне, потому что больше никому! Она указала меня, как родственницу, когда пришла к ним, пришла добровольно, и...

— Она умерла, - озвучивает Клавдий.

Он отдергивает руки от пакета, словно в нем не вещи, а разделанный труп самой Фаустины.

— Ее убили, - уже тише говорю я, - убил какой-то выbleядок. Ведь они же ни за что не отвечают! Им нет дела, что за людей они допускают до размножения. Главное, чтобы у него стоял чертов хер, а вот проверить, все ли в порядке у него с головой – да кто станет этим заниматься?! Он же не головой будет делать детей!

— Пожалуйста, не выражайся, - просит меня жених.

Он отходит к окну и с опаской смотрит на улицу. Мне мерещится в нем желание задернуть шторы, чтобы отгородиться от внешнего мира, но шторы отсутствуют. Они под запретом в Империи. «Фациес Венена» должны знать, что все погасили свет и спокойно спят в своих постелях, а не вынашивают ночи напролет планы заговоров и бунтов.

— Но его хотя бы накажут? – осторожно спрашивает Клавдий. Он почти шепчет, боится, что его кто-то услышит. Поди воображает себе, что в стены встроены подслушивающие устройства и любое крамольное слово тут же внесут в личное дело.

Но в Империи нет никаких подслушивающих устройств, а располагаем мы только самыми допотопными технологиями. Говорят, что большую часть подобных вещей уничтожили тогда же, когда и летательные аппараты из какого-то почти суеверного страха. Говорят, все же что-то осталось, а еще, что в подвалах тайной полиции есть целые секретные лаборатории, где разрабатывают всякие хитрые штучки, вроде приборов для слежки, человекоподобных машин и оружия массового поражения.

Говорят... говорят, говорят.

А мы слушаем, ведь зачем нам какие-то приспособления, когда куда надежнее самим друг за другом следить?

— Не сомневайся, - злобно заверяю я, - в «Фациес Венена» его заставят сожрать собственные яйца за убийство детородной женщины.

Клавдий мученически морщит брови, но больше не просит меня осторожнее выбирать выражения.

— Но что это изменит? – упавшим голосом продолжаю я, - ничего. Ничего не изменит. Это не вернет Фаустину... она... Юпитер...

— Ох, милая... - снова вздыхает он, - мне так жаль...

Он порывается опять меня обнять, но я предупреждающе выставляю перед собой руки. Печаль и гнев во мне сменяются каким-то отупением. Мне хочется свернуться, обхватить ноги, прижать колени ко лбу и обратиться в камень в таком состоянии. Лежать, как ископаемая раковина на морском берегу.

— А мне как жаль, - говорю я.

Я складываю пакет с вещами Фаустины обратно в сумку. Мне совестно расплескивать свой яд рядом с ними. Это непочтительно в отношении ее памяти. Она знала, на что идет. Она храбро приняла свою участь. А во мне слишком много противоречий для ангельской кротости.

Клавдий садится на кровать, но чуть поодаль, больше не пытаюсь вторгнуться в крошечную крепость скорби, что я тут построила.

— Знаешь... - я провожу ладонью по лицу, массирую ноющие после слез веки, - я... я виновата перед ней. Да, я пыталась ее отговорить, но плохо пыталась. Но было кое-что еще...

— Что?

— Мы были на празднике... и она хотела там с кем-то познакомиться, - исповедуюсь я, - но я ее отговорила. Потому что те люди они были... ну... из этих... из, - я глотаю грубое слово, - а сейчас я думаю, что лучше бы она запрыгнула на член к палачу, сохраннее была бы, чем...

— Ох, Юлия, - повторяет Клавдий, - тебе не стоит быть такой непримиримой...

— Ну, давай, - тороплю я, - расскажи, какой мне стоит быть и что мне стоит делать.

— Извини, - сконфужено бормочет мой жених, - они просто выполняют свою работу, очень тяжелую работу, приятного в ней точно мало. Все мы... делаем, что можем сделать. Просто представь себе, какой бы тут был бардак без...

— Замолчи, - обрываю я, - я не хочу это слушать. Их работа – пытаться и убивать людей. Моя работа – рожать. Я все поняла. Когда, кстати, мы уже пойдем в «Бенефиций», чтобы все оформить? Времени осталось...

— Вот об этом я и хотел с тобой поговорить, - останавливает меня Клавдий.

По правде, ему и не нужно ничего говорить. Я все понимаю из того, как виновато звучит его голос.

Понимаю, что больше нет у меня жениха.

Наивно было рассчитывать, что мне позволят уйти далеко.

Я прикинула время, и по моим расчетам располагала такой роскошью, как пятнадцать минут на побег. Пятнадцать минут на шествие по темному, замершему, спящему городу, среди коробок домусов, среди клумб и трафаретов деревьев, во мраке кажущихся чудищами из детских сказок.

Да это просто смешно!

Куда вообще можно добраться за пятнадцать минут?

Пока я шла под звездным небом, вдыхая полные легкие опьяняющего чувства свободы, дерзости и бунта, чья-то тень в окне наблюдала за этой сумасбродной прогулкой. Чьи-то шаги простучали по лестнице, и чей-то сжатый кулак стукнулся в дверь комнаты коменданта.

Чей-то голос сказал:

«Там какая-то нарушительница бродит одна в темноте».

Меня схватили куда быстрее, чем через пятнадцать минут. А вот сколько я провела в камере без окон, дожидаясь своей очереди на допрос, мне неизвестно. Время в такие моменты имеет неприятное свойство как-то растягиваться и замедлять свой ход.

Чтобы не лишиться рассудка, я сконцентрировалась на ощущениях тела, не самых приятных, надо сказать, ощущениях. Во время ареста один из патрульных прописал мне смачную оплеуху, и мои гудящая голова и пустой желудок принялись сочинять совместную грустную симфонию. Глаза быстро отвыкли от света.

Я чуть не ослепла от яркости люминесцентных ламп допросной комнаты.

Свет просачивается не только под веки, но и прямо мне в мозг. Свет озарения, свет осознания.

Я, Юлия Силва, какая-то глупая девчонка, ну ни дать, ни взять, настоящая преступница или революционерка.

Просто фантастика!

Определенно, это - повод для гордости.

Голова перестает завывать полуночной сиреной, спина распрямляется сама собой, хоть жесткая спинка стула и впивается мне под лопатки.

Я нахожу в себе силы взглянуть на своих палачей.

Клавдий сказал: у них просто такая работа. Но почему им было не выбрать другую?

Центуриону, что сидит за столом, она, кажется, вполне по вкусу. Он – утес над морем, волнорез, он исполнен достоинства и самодовольства. Он здесь власть.

Я всегда считала, что за каждое продвижение по службе братья «Фациес Венена» платят кусочком своей души. У него, кажется, уже ничего не осталось. Его глаза холодные и пустые.

Но второй... намертво завладевает моим вниманием и теперь мне не отвести взгляд. Мне невольно хочется засмеяться от чудовищного несоответствия, которое составляют его внешность, форма «Фациес Венена» и в целом это безобразное место. Он не многим старше меня и красив, словно юный античный бог. На его мраморной коже играет легкий румянец, а длинные

ресницы бросают тени на щеки. Этому Амуру здесь не место. Ему бы танцевать с нимфами в райских кущах Парнаса, а не служить в тайной полиции.

Его тонкие пальцы созданы перебирать струны арфы, уж точно не вести протокол на допросе.

— Имя, - скрежещет голос центуриона. Он лишен и единой эмоции. Я почти готова поверить в рассказы про существование человекоподобных машин в подвальных лабораториях. Вероятно, допрашивать меня будет как раз такая машина.

— Юлия Силва, - отвечаю я.

— Что вы делали ночью на улице, - продолжает дознаватель, - после начала комендантского часа?

Я прикидываю – какой ответ разозлит его меньше, но потом решаю, что особой разницы нет. Скорее всего, его кулак сегодня познакомится с моей челюстью, а треклятое кольцо центуриона оставит на коже свою горящую метку.

— Я хотела посмотреть на звезды, - заявляю я.

Наступает пауза, странная пауза, как во время театрализованного представления на площади, когда актер произносит свою реплику и публика вот-вот разразится аплодисментами. Никто не хлопает. Я смотрю на дознавателя, а он смотрит на меня и чуть выгибает бровь.

На брови шрам. На шее у него тоже шрам, такой жуткий, словно кто-то пытался отрубить ему голову, но в последний момент передумал. Отметины есть и на руках, а костяшки пальцев сбиты и на них свежие ссадины, полученные, не иначе, пока он мутзил моего предшественника или предшественницу. Или женщин не бьют? Я не в курсе.

Я впервые присутствую на допросе.

Какой же он урод – думаю я почти с удовлетворением. Как и полагается быть убийце.

Неужели тот красивый мальчик в углу со временем тоже превратится в такое же страшное лицо?

— Вам известно, как мы все выжили пятьдесят лет назад? – внезапно интересуется у меня дознаватель вполне миролюбиво, будто я снова в школе на уроках истории Империиума.

— Да... но... - невнятно бормочу я.

— Мы выжили, потому что следовали правилам, - заканчивает свою мысль центурион, - и одним из них было: не выходить на улицу, когда от нас того требуется.

— То есть... - начинаю я, и тянусь, чтобы почесать переносицу, но мешают наручники, - выходить ночью нельзя, потому что по улицам разгуливает госпожа Чума?

— Ночью на улице можно встретить кого-то похуже, - говорит дознаватель, - именно поэтому незащищенной женщине лучше воздержаться от занятий астрономией.

Вот как. Империиум заботится о благополучии своих граждан.

Аве, Империиум!

Но я почти разочарована: где мои синяки, где побои и унижения? Да он, черт возьми, издевается!

По бесстрастной роже центуриона и не поймешь. С большим успехом я могла бы выискивать эмоции на лицах вычурных статуй, что наставлены на площадях или украшают фасады правительственных зданий.

— У меня были с собой вещи, - напоминаю я, - предметы первой необходимости... я... я собиралась сбежать.

— Мы об этом осведомлены, - говорит центурион, - и куда же вы направлялись?

— Я не знаю, - сдаюсь я, - куда-то... куда-то подальше отсюда.

У меня нет четкого ответа на этот вопрос. Единственное, в чем я была уверена, планируя свой побег, что мне нужно оказаться там, где меня не найдут, и меня устроило бы любое место, кроме центра «Продукции и репродукции». Опустевшие города, где люди вымерли во время

пандемии, дикие леса, вересковые пустоши, сельскохозяйственные регионы или шахтерские поселки - что угодно.

Впрочем, я все же добилась своего. Восемнадцатый день рождения я встретила в камере «Карсум Либертатис», а не на койке под чужим потным телом.

— У вас не было никакого плана, - уличает меня центурион, и, откинувшись на спинку стула, смотрит, как мне кажется, со снисхождением, - это просто ребячество.

Я взрываюсь.

— Называйте как хотите! – восклицаю я, - но я нарушила закон и должна быть заключена в тюрьму. Откуда вы знаете, что у меня нет сообщников, что я не готовила бунт? Быть может я хотела встретиться со своими товарищами-заговорщиками?

Он смеется – сдержанно, сухо, но это действительно смех, мне не почудилось. Что, по правде, само по себе удивительно. До этого момента я была уверена, что ему чуждо что-либо человеческое, даже злорадство.

Я кошусь на мальчишку в углу, но он куда больше увлечен своими бумагами, и предпочитает делать вид, что его с нами нет. Лишь на мгновение он поднимает глаза и стреляет взглядом в спину своего старшего товарища, пока тот продолжает смотреть на меня в упор.

Мы как будто играем в игру, правила которой мне непонятны.

— Если вам так угодно, мисс Силва, - я поражена, услышав от центуриона архаичное, устаревшее обращение, - побудьте гостьей «Карсум Либертатис». Возможно, небольшая экскурсия вас вразумит.

Глава третья. Ливий Велатус

В день, когда я впервые надеваю форму «Фациес Венена», идет сильный дождь, а всех нас выгоняют на плац. Я трясусь от холода и от страха. Я до смерти боюсь разоблачения. Я молюсь всем известным богам, прося уберечь меня от расплаты за мой жалкий обман, за мои дерзость и самонадеянность.

Тогда я и вижу Креона Прэтора в первый раз в своей жизни. Он недавно получил повышение, но еще не успел стать легендой «Фациес Венена». Для меня, как и для других новобранцев, он лишь децурион, присматривающий кандидатов в личный отряд.

Заложив руки за спину, он прохаживается мимо нас, выставленных, как товар на рынке, не обращая внимания на бушующее ненастье. Неистовый ветер разбивается о его могучую фигуру, а короткие волосы на непокрытой голове мокрые и топорщатся частоколом.

Я стою, опутив подбородок, чтобы капюшон плаща скрывал мое лицо. Мне уже известно, что безопаснее быть невидимкой, хоть я только учусь прятаться у всех на виду.

Почему-то Креон останавливается именно возле меня. В моем поле зрения возникают его кирзовые сапоги, глянцево блестящие от дождя.

— Имя, - говорит он, и я до последнего надеюсь, что обращается он не ко мне, а к моему соседу по строю.

Ему приходится повторить.

— Ливий Велатус, господин, - отчитываюсь я.

— Смотри прямо, когда с тобой разговаривают, - приказывает Креон Прэтор.

Я несмело поднимаю голову, и ветер орошает меня брызгами влаги. Я моргаю, но не имею возможности протереть глаза. Нам полагается стоять ровно, иначе есть риск получить по физиономии или по почкам.

Я думаю: ублюдок меня раскусил, как-то заметил паршивую овцу в стаде наметанным взглядом. Мне конец. Я представляю, как жесткие руки децуриона вытаскивают меня из строя и швыряют в вязкую грязь. А следом он приставляет пистолет к моему затылку, вышибает мозги, и они смешиваются с серой жижей, затопившей плацдарм.

— Войдешь в мой патрульный отряд, - вместо этого распоряжается Креон.

Я почтительно кланяюсь.

— Благодарю, господин, - говорю я.

И уже вечером мне предоставляется шанс отблагодарить его по-настоящему.

В «Карсум Либертатис» тироны выполняют самую грязную работу – носятся по мелким поручениям, чистят камеры, кормят и обслуживают заключенных. Обслуживание подразумевает также и утилизацию тех, кто уже не жилец. Но большинство новобранцев считает, что лучше наняться с мертвецами, чем угодить в злосчастный патрульный отряд. Риск погибнуть от рук каких-нибудь нарушителей слишком велик, и львиная доля рекрутов просто не доживает до повышения.

А я радуюсь, что вытянул этот жребий. Ведь только патрульные «Фациес Венена» могут легально выходить на улицу ночью.

Мне нравится ночь, ее звуки и запахи. Меня завораживает спящий город, кажущийся нарисованным, и бескрайний черный купол, раскинутый над мрачными махинами зданий.

Я отстаю, засмотревшись на звезды. Никто не учит нас астрономии, но мне все равно любопытно посмотреть на ночное небо. В масштабе космоса наша жизнь представляется смешной и ничтожной.

Я получаю тычок под лопатки от тирона, следующего за мной. Его не волнуют праздные философские размышления. Он стремится побыстрее «отмучаться» и вернуться в свою постель в общежитии «Фациес Венена».

— Шевелись, дохляк, - раздраженно бурчит он, - не загораживай проход.

Стоит ли упоминать, что мои отношения с товарищами не сложились с самого начала или это и без того очевидно?

Не знаю, что послужило тому причиной – мое внезапное «везение» попасть в отряд или привычка держаться ото всех особняком? Быть может, «стая» стремится изжить хилого товарища, быть может, другие подсознательно чувствуют во мне отличие и скрытый изъян. Меня не любят, гнобят и шпыняют. А я еще даже не стал «любимчиком» децуриона, впоследствии центуриона.

Стану.

Сегодня.

Сейчас.

Я ускоряю шаг. Обычно я предпочитаю помалкивать, но все же размышляю, нужно ли мне огрызнуться в ответ, когда начинается заварушка. Все происходит так быстро, что я толком не понимаю, откуда взялись эти люди – они словно воплотились из окружающей нас темноты. Тишину раздирают на куски звуки выстрелов, и следом тут же заходится тревожным воем сирена.

Тирон, идущий за мной, падает, придавливая меня своим телом, а он крупный малый, и, вероятно, ему я и обязан чудесным спасением. Его туша загораживает меня от града осколков бомбы, взрывающейся рядом с нами. От хлопка закладывает уши, а яркая вспышка словно выжигает сетчатку. Я барахтаюсь под павшим товарищем, слепой и беспомощный.

Сквозь низкую вибрацию у меня в голове доносится отдаленный голос децуриона:

— Рассредоточиться! Они вооружены!

Бах-бах-бах – вторят ему выстрелы со всех сторон. Я пытаюсь дотянуться до своего оружия, но моя рука прижата к земле чужим телом как надгробной плитой.

— Слезь с меня, - требую я, - слезь с меня, гадина!

Тирон не реагирует. Кое-как спихнув его в сторону, и проморгавшись от пыли, я вижу в полумраке его лицо, искаженное маской предсмертной муки. На его губах пузырится кровавая пена, а застывшие глаза устремлены в темноту. Меня не пугают покойники. Я видал их достаточно и знаю: от живых будет побольше проблем.

Одна из темных фигур приближается ко мне, и я стреляю прежде, чем успеваю что-то осмыслить. Почти карикатурно тощий, грязный человек, валится наземь, и железный прут, которым он, судя по всему, планировал проломить мне череп, со звоном выпадает из его рук.

Я вскакиваю и оглядываюсь: пока я разлеживался здесь, сражение переместилось дальше по улице, оттуда доносятся пальба, ругань и грохот, перемежающиеся с заунывным воплем сирены. Ядвигаюсь на вспышки выстрелов, осторожно, прижимаясь к стенам зданий, оценивая обстановку. Мой путь усеян телами – некоторые, такие же чумазные, как убитый мной, наверное, бунтовщики, другие же – мои товарищи, о чем говорят тускло мерцающие в отсветах боя нашивки на форме.

Я не испытываю сожаления. Смерть – это всего лишь смерть. Она далеко не худшее, что может с тобой приключиться. Меня куда сильнее беспокоит - сколько еще неприятелей таится во мраке?

Выстою ли я против них, если все остальные члены нашего отряда погибли?

Дождусь ли прибытия подкрепления?

Вскоре я нахожу децуриона Прэтора. Укрывшись за киоском, где днем продают лимонад и прохладительные напитки, он отстреливается от незримого во мраке противника. Позабыв об осторожности, я бегу к нему и налетаю на кого-то по пути. Меня обдаёт зловонием немывого,

гниющего тела, человеческих жидкостей, пота и мочи. Липкие руки шарят по моей униформе, пытаюсь опознать, кто перед ним, и, заключив, что я один из «Фациес Венена», враг шипит по-звериному. В воздухе свистит занесенное лезвие, но я уворачиваюсь в последний момент.

Я стреляю почти вслепую, и нападающий пятится назад, зажимая руками дыру в груди.

Становится тихо. Все звуки рассеиваются дымком, выходящим у дула моего пистолета. Сирена тоже смолкает.

Луч фонаря децуриона падает на тело поверженного противника у моих ног, прежде чем скользнуть вверх, к моему лицу. В тусклом свете я вижу жуткую рану у командира на шее. Его губы, горло и воротник кителя вымазаны в крови. Непостижимо, что с такой раной он еще жив.

— Спасибо, - говорит он с волчьей усмешкой. Он шагает ко мне, но его колени подгибаются, и, только мое вовремя подставленное плечо уберегает его от падения. Я помогаю децуриону принять сидячее положение у стены киоска.

— Не думал, что уцелеешь именно ты, - делится командир, - напомни, как твое имя?

— Ливий Велатус, господин, - отчитываюсь я.

Глаза децуриона закрываются сами собой, заметно, каких усилий ему стоит не провалиться в забытие. Теперь мне по-настоящему страшно. Я боюсь, что он умрет на моих руках, и я останусь один на один с темнотой и всем, что в ней может таиться. Бросив взгляд вверх, я замечаю, что горошинки звезд скрыли плотные тучи.

— Молодец, Ливий, - натужным шепотом говорит командир, - я этого не забуду.

— Это мой долг, господин, - заверяю я, да только он меня уже не слышит.

Забудешь – отвечаю я про себя. Если узнаешь, кто я, то первый же सदерешь с меня шкуру.

В благодарность Креон Прэтор становится моим другом, насколько это возможно в рядах «Фациес Венена», где все только и думает, как подсидеть товарища, чтобы продвинуться по службе.

Креон по-своему меня опекает и делится опытом. Больше года мы проводим вместе все условно-свободное время. Я присматриваюсь и прислушиваюсь, оцениваю каждое слово наставника на предмет хоть какой-то крамолы. Он оказывается остер на язык, но пока мне решительно нечего доложить куратору. Вряд ли старику интересны саркастичные комментарии Прэтора о наших коллегах.

За это время Креона повышают до центуриона, а после меня делают сразу оптио. И я все чаще жалею, что отказался от совместного распития спиртного по случаю своего повышения. Быть может... алкоголь развязал бы ему язык?

Вскоре такая возможность представляется снова.

Накануне мы допрашиваем мужчину, обвиняемого в убийстве женщины в центре «Продукции и репродукции». Креон с ним не церемонится, да и я сам испытываю непреодолимое желание бросить протокол и размять кулаки. Хуже всего, что выродец нас не боится. Он не раскаивается. Он улыбается ртом, полным кровавых слюней и ошметков зубов. Я думаю, что он не в себе, но моему наставнику известно больше.

Поэтому ночью Креон Прэтор приходит ко мне.

Это грубейшее нарушение правил. Руководство «Фациес Венена» остерегается морального разложения в своих рядах, отчего мы живем в отдельных комнатах, больше напоминающих тюремные камеры или монастырские кельи. Нам нельзя наносить визиты своим товарищам. Эти правила едины для всех, независимо от положения. Словом, Креон страшно рискует. Но он еще и приносит с собой бутылку того пойла из дубовой коры, что производят в северных сельскохозяйственных регионах.

— Господин, - испуганно лепечу я, - вам не...

— Тс-с-с, - обрывает меня он, и по-хозяйски плюхается на мою жесткую койку, словно это его комната, а я тут гость.

Я забиваюсь в дальний угол, обхватываю себя руками, и прислушиваюсь к звукам сна-ружи – не выйдет ли сейчас на ночной обход комендант.

Креон протягивает мне бутылку. Я веду подбородком, отказываясь. Я улавливаю запах, исходящий, как от моего наставника, так и от напитка, из чего заключаю, что по пути сюда, центурион уже успел основательно к нему приложиться.

— Что случилось, господин? – тихо спрашиваю я.

Он делает глоток, прежде чем ответить.

— Его отпускают, - однозначно роняет он.

— Кого, господин?

— Ливий, - строго говорит мой наставник, - пожалуйста, хоть сейчас обойдемся без официоза.

Я сглатываю ком в горле. Он просит меня о невозможном. В таких обстоятельствах, в темноте, наедине, называть друг друга по именам слишком интимно. Зачем нам вообще эти дурацкие имена, когда у нас есть наши звания? За ними куда легче прятаться.

— Кого? – повторяю я, так и не осмелившись произнести имя.

Я чувствую его взгляд, и виновато поджимаю губы. Я не могу. Мне очень жаль.

— Урода, убившего ту девушку, - отвечает Креон после паузы, - отпускают.

— Но как это возможно?! – вырывается у меня, и вот теперь я готов и сам припасть к бутылке, - его преступление не подразумевает послаблений, только смертный приговор...

— Это указание свыше, - скривившись, говорит мой наставник, - конечно, никто ничего не объясняет, но приказ подписан куратором. Поговаривают, что он его дальний родственник. Не знаю, правда ли, Ливий, но это бы все объяснило. И мне сделали дисциплинарный выговор за неподобающее обращение с заключенным во время допроса.

Я едва сдерживаю злорадную улыбку на этих словах. «Неподобающее обращение»! Как правило, никому вообще нет дела до арестантов, а тот человек заслуживал куда худшего. Подумаешь, выбитые зубы! Я там был. Я все записал: обвиняемый не только грохнул ту несчастную девушку, придушив во время соития, он надругался над ее трупом.

Я ошибся – он не был сумасшедшим. Он знал, что неприкосновенен.

Я сам выхватываю бутылку из рук Креона и лакаю алкоголь по-собачьи. Жидкость горькая и жжет язык. Мне хочется сплюнуть ее, но я силой заставляю себя проглотить, как глотаю омерзительную правду.

Лицемерие! Ложь! Аве, Империиум!

— Не нравится, - подмечает Креон и слегка улыбается. Эта улыбка многого стоит, улыбка того, кто чувствует те же гнев и смятение, что и я.

— И зачем только люди пьют спиртное, если это такая гадость? – сетую я.

— Чтобы забыться, Ливий, - философски заключает Креон, - чтобы забыться.

Он тоже пьет, и я запрещаю себе думать о том, что это почти поцелуй, ведь до того горлышка касались мои губы. За такие вещи простые люди отправляются в шахты, а члены «Фациес Венена» к расстрельной стене.

— Что его ждет? – спрашиваю я, чтобы отвлечься от этих мыслей.

— Его сошлют из столицы работать на ферме, - говорит мой наставник, - но разве это наказание?

— Нет, точно нет, - вздыхаю я.

Креон откидывает голову, и, опершись затылком на стену, задумчиво крутит бутылку в руках. Его кольцо скребется по стеклу, он стаскивает его с пальца и взвешивает в ладони. Я думаю, что сейчас ему хочется затолкать этот перстень в глотку куратору.

Мне тоже.

— Я могу... - вслух рассуждает Креон, - могу навести справки, где находится эта ферма и кто будет сопровождать гаденыша. Кем бы ни были его родственники – что они сделают, если с ним, например, в дороге произойдет несчастный случай?

— Нет, господин, не вздумайте! – вырывается у меня. Моя бурная реакция лишь веселит Креона, но улыбка быстро сходит с его лица, сменяясь крайней решимостью.

— Этой бедной девочке было всего восемнадцать лет, - жестко говорит он, словно я не знаком с материалами дела, - она была совсем ребенком и уж точно не заслужила того, что он с ней сделал.

— Да, господин, - соглашаюсь я, - но если он и правда имеет... хорошие связи, вам этого не простят. Куратор... - я вовремя затыкаюсь, осознав, что ступаю на опасную территорию. Я чуть не говорю, что куратор только того и ждет – весомой причины разобраться с центурионом Прэтором. Несогласие с прямым приказом точно сочтется за бунт.

— Куратор не простит, - заканчиваю я.

— Да пошел он к дьяволу, - выплевывает Креон, - если кто и заслуживает смерти – то этот выродок. Не для того мы служим «Фациес Венена», чтобы выбивать признания из жалких воришек, изнаночников или однодневных бунтовщиков с самопальными бомбами, Ливий. Мы должны бороться за правду. Иначе... иначе мы занимаемся чем-то не тем.

Я зажимаю ему руками рот, прежде чем он скажет что-нибудь еще и подпишет себе смертный приговор, и тут же пугаюсь этого порыва. Нам запрещено прикасаться друг к другу. Я чувствую под пальцами шероховатость и жар его губ, и оказываюсь недопустимо близко. Мне страшно взглянуть на Креона, и я жмурюсь, ожидая вполне заслуженной оплеухи. Он не бьет меня, хотя стоило бы, а довольно мягко отцепляет от себя мои кисти.

— Извините, - быстро говорю я и прошу, - пожалуйста, не делайте глупостей.

Я по очереди открываю глаза.

Он молчит и смотрит на меня в темноте.

«Карсум Либертатис» гудит, подобно пчелиному улью: утром доставили любовницу Деция Мануция. И не абы кого, а популярную актрису, чьи имя, внушительный бюст и широкие бедра известны каждому. Эти примечательные бедра не только вытолкали из плодоносного чрева пятерых детей, но и стали предметом влажных фантазий, наверное, всего мужского населения Империиума. Кроме меня.

(Как по мне, актриса уже старовата и выглядит слишком потрепанной, чтобы и дальше играть юных девочек в новых кинокартинах. Кстати, мой наставник тоже от нее не в восторге).

Разумеется, актриса все отрицает, а обвинение в порочной связи с таким слизняком, как Деций Мануций, воспринимает за оскорбление. На допросе она ведет себя, словно на съемочной площадке: театрально промокает глаза платочком и заламывает руки. Она произносит слова с таким драматическим пафосом, что едва не выводит Креона Прэтора из себя. На моей памяти он никогда не бил женщин, и актриса чуть не становится исключением из его личного кодекса чести.

После того, как актрису уводят, он измученно откидывается на спинку стула и поворачивает профиль ко мне.

— За что нам это, Ливий? – сетует он, и в ответ я лишь развожу руки в стороны.

Но это еще не конец. Вместо Деция, вызванного на повторный допрос, в дверях возникает величавая фигура куратора. Он опускается на место, где обычно сидят арестанты, и, сложив морщинистые кисти на столе, строго глядит на центуриона Прэтора.

— Зачем вы допрашивали актрису? – интересуется куратор, опустив приветствие.

— Обвиняемый Мануций указал на нее, - отчитывается Креон, - мы обязаны были поверить...

— С каких пор слова какого-то изнаночника имеют вес? – обрывает старик, - он уже давно должен быть в шахтах, а вам не престало запугивать законопослушных граждан. Мало того, что госпожа Тиберис – известная персона и деятель искусства, так еще и супруга министра образования. Чем вы заняты, Прэтор? Зачем вы превращаете свою службу в балаган?

Я почти слышу скрип зубов Креона, хотя он и раздается только в моей голове. По правде, я восхищаюсь сдержанностью моего наставника. На его месте, я давно бы взорвался. Особенно после того случая с убийцей девчонки из центра «Продукции и репродукции». С тех пор гнев бродит в нем, как вино в бочке.

— Мне жаль, господин, - вместо этого говорит он, - мы разберемся с этим в скорейшем времени.

Куратор удовлетворенно кивает, но не уходит. Нет необходимости быть гением дедукции, чтобы понимать: он здесь не ради актрисы и Деция Мануция. Тут что-то другое. Что-то, что пока ускользает из моего внимания. Честно говоря, я предпочел бы и дальше оставаться в неведении, а лучше и вовсе убрался отсюда подальше. Я не хочу присутствовать при этом разговоре, но и смыться не вправе. Пусть от меня никакой пользы, я все же не имею права бросать своего наставника на растерзание куратору.

— Господин, - начинает Креон после паузы, - раз вы здесь, могу ли я задать вам вопрос?

— Конечно, - благословляет старик.

— Почему вы отклонили мое прошение перевести заключенную Силва в центр «Продукции и репродукции»?

Что?

Мой рот открывается сам собой.

Я не имею малейшего представления, о чем идет речь. Зачем вообще подавать какое-то прошение? Мне казалось, что с той сумасбродной девчонкой все уже решено: она провела ночь в камере, как и хотела, а дальше отправится туда, где ей самое место. Ужасы тюрьмы должны были преподать ей урок и приструнить ее мятежный дух.

У куратора совсем другие планы на ее счет.

— Я настаиваю на смертном приговоре для Юлии Силва, - припечатывает он.

Самоконтроль Креона все-таки дает трещину.

— Это немыслимо! – возмущается он, - строгость наказания не соответствует ее проступку. Вы в своем уме, господин? Вы не имеете права приговаривать к смерти фертильную женщину только из-за собственной прихоти!

Взгляд куратора режет как нож, и хоть предназначается он не мне, но ранит меня заодно.

— Вы забываетесь, друг мой, - тихо и вкрадчиво говорит старик, - это вовсе не моя «прихоть», как вы изволите выражаться, центурион Прэтор. Мы обязаны пожертвовать одной женщиной, чтобы не потерять куда больше. Пример Юлии Силва будет поучительным для других. Прежде мы слишком на многое закрывали глаза, но с этим нужно заканчивать. Вы отпустите ее, а она станет и дальше распространять яд своего смутьянства, отравляя все вокруг. И в следующий раз к вам попадет уже сотня таких Юлий, которые, насмотревшись на нее, решат, что и им все простят.

— Это жестоко, - беспомощно бормочет Креон. Его плечи опускаются, а голова клонится вниз. Он сломлен. И у атлантов есть уязвимости.

Куратор перегибается через стол, и я пугаюсь, что сейчас он для пущего эффекта пропишет моему наставнику по лицу, но старик хватает Креона за руку и вздергивает ее, чтобы кольцо с орлом оказалось на уровне его глаз.

— Вы достигли таких высот, потому что всегда правильно расставляли приоритеты, - говорит куратор, - не разочаровывайте меня.

Лишившись опоры, кисть Креона падает на стол, и перстень бряцает по металлу. Центурион молчит. Ему нечего ответить, или, вероятно, он не может позволить себе этого в присутствии постороннего лица. Моего лица. Теперь куратор смотрит на меня, долго, испытующе.

«*Моя цена останется прежней*» - как бы напоминает он.

— Завтра Юлия Силва должна быть мертва, - говорит старик, - или у вас будут неприятности, центурион Прэтор.

Когда за ним закрывается дверь, мне стоит огромных усилий остаться на месте. Мне хочется приблизиться к Креону, и жестом ли, словом ли, но хоть как-то выразить свою солидарность. Сказать, что и я в ужасе от жестокости старого ублюдка. Сказать...

Ложь.

На самом деле я думаю, что Юлия Силва и ее грошовый протест не стоят головы центуриона Креона Прэтора. Только сам он считает иначе.

— Он оправдал убийцу, но хочет смерти невинной девочки, - озвучивает он.

— Вы обязаны исполнить этот приказ, - говорю я, а следующее вырывается у меня против воли, - пожалуйста, господин...

— Я сам решу, что мне делать, - отрезает Креон.

Глава четвертая. Юлия Силва

Я лежу на тюремной койке, отвернувшись к стене, и вспоминаю свои недавние приключения-злключения: прогулку по городу, арест и допрос. В сухом остатке, куда больше событий, чем за всю мою восемнадцатилетнюю жизнь. Так я не замечаю, как засыпаю.

В камере темно, словно в чреве кита - луч прожектора не ломится в окна, ведь здесь нет окон. Не слышны вой вечерней сирены и экзальтированные речи из динамиков на улице. Короче говоря, условия для сна почти идеальные, если опустить незначительные неудобства в виде холода, жесткой постели и омерзительной вони.

Увы, мне не удастся долго наслаждаться уютным коконом из мрака и тишины. Меня будят голоса и лязг решетки, но я не двигаюсь, рассудив, что безопаснее и дальше прикидываться спящей, пока не разберусь, что происходит.

— Так-так-так, - говорит кто-то, - что у нас тут? Вот так свезло!

— Ты погляди на эту попку! – вторит ему другой и разражается лающим смехом, - чур она моя.

— Да пошел ты!

Я рывком вскакиваю и пачусь, но деваться мне особенно некуда: камера тесная, в ней едва умещаются койка и грязный сортир. Я натываюсь на него ногой и скулю от боли в лодыжке. Свет фонарика ударяет мне по глазам.

— Ну что, малышка? Послужишь отечеству? – спрашивает первый из говоривших. Я отрицательно трясую головой, только это был не вопрос. Они уже все решили.

— Пожалуйста, не надо... - прошу я, легко догадавшись, зачем они – кем бы они ни были – явились среди ночи в мою камеру.

— Тебе понравится, - заверяет меня второй и снова хихикает.

Я кричу – потому что это единственное, на что я способна, но сильная, жесткая ладонь, зажимает мне рот. Меня швыряют на койку как какую-то куклу. Щелкают пуговицы на чужой одежде. Не моей. На мне просторная арестантская роба, не имеющая застежек. Задранная вверх рубаха перекрывает мне дыхание и обзор. Я снова пытаюсь позвать на помощь и получаю по ребрам. Пузырь из воздуха становится в горле.

— Эй, аккуратнее, - журит один насильник другого, - не поломай ее. Хочешь неприятностей?

— Хочу, чтобы она не орала и сюда не сбежалась вся тюрьма, - буркает второй, пережегая слова пыхтением в непосредственной близости от моей обнажившейся спины. Его рот прижимается к лопатке и втягивает кожу с противным причмокиванием, а руки уже спускают с меня штаны.

— Надо делиться! – возмущается второй невидимка. Ткань исчезает с моей головы, они вертят меня, как им заблагорассудится, с легкостью пресекая попытки тому воспрепятствовать. Что-то горячее, липкое и разящее мускусом тыкается мне в щеку. Я стискиваю челюсть изо всех сил, но *оно* упрямо трется о мои сжатые губы.

Меня затапливает волной ужаса и отвращения, отзывающимися спазмами в пустом животе. Тошнота подступает к горлу, и я понимаю, что мне не сдержать рвотный позыв и придется все-таки раскрыть рот, чтобы не захлебнуться скудным содержимым своего желудка.

— Какого дьявола?

Вспышка яркого света заливаает все вокруг подобно разряду молнии. Меня выпускают, и я кулем плюхаюсь на тонкий матрас, провонявший потом и мочой. Мой организм меня предает: я добавляю грязных пятен на ткани, и кашляю, содрогаюсь всем телом так сильно, будто сейчас выхаркаю и свои легкие заодно.

Сквозь собственные стоны, я слышу удары и ругань. Кажется, кто-то кого-то мутузит, но мне уже все равно, что они там не поделили.

(Скорее всего, меня).

Горло дерет и трудно дышать. Кислород едва пробивается в легкие и с его первой полноценной порцией голова идет кругом. Я близка к обмороку, потому безропотно позволяю кому-то протереть мне лицо и придать вертикальное положение. Чьи-то руки деловито поправляют на мне арестантскую робу. Я гадаю, какой в этом смысл – если меня все равно собираются изнасиловать?

Или нет?

Я сомневаюсь. На мои плечи ложится что-то теплое и тяжелое, и я сразу перестаю дрожать. Ощупав предмет вслепую, по нашивкам я понимаю, что это китель.

— Силва, - зовут меня, и хоть голос кажется мне знакомым, он явно не принадлежит тем двоим гаденышам, - Силва, посмотри на меня.

Возле кончика моего носа щелкают пальцы. Проморгавшись, я фокусирую взгляд на руке, увенчанной массивным перстнем с гербом. О, еще бы я не узнала это кольцо! Я уже видела его накануне, у дознавателя, что потешался надо мной во время допроса. Я не очень-то рада его появлению.

— Если... если... - я кашляю, прочищая горло от остатков рвотной массы, - если вы пришли за тем же, зачем и они, то позвольте мне хотя бы умыться...

— Что? – озадаченно переспрашивает центурион, - о, во имя Юпитера, нет. Извини, я не доглядел за этими озабоченными недоумками.

Будто это входит в его обязанности: оберегать мою честь от посягательств!

Я не питаю ложных надежд. Даже если так, я не удивлюсь, если годы воздержания похерят благие порывы центуриона. В «Фациес Венена» все блюдут целибат, а тут беззащитная женщина, с которой можно делать все, что душе угодно. Центурион прогнал товарищей, а добыча всегда достается победителю.

Он не спешит воспользоваться положением.

Фонарь, лежащий на полу, наполняет камеру сонмом теней. Самая крупная из них принадлежащая центуриону, зловеще трепещет от движения, когда он отстегивает от пояса фляжку и протягивает мне.

Я жадно хлебаю воду, протираю лицо и пальцами распутываю волосы, проверяя, чтобы в них не осталось комков блевотины.

— Спасибо за заботу, - бормочу я, вспомнив о вежливости, - но это лишнее.

— Почему это? – любопытствует центурион. Опять этот светский тон! Это кажется мне в корне неправильным. Он выглядит как зверь, но разговаривает как человек.

— Это неотвратимо, - устало говорю я, - изнасилуют меня здесь или будут насиловать в центре «Продукции и репродукции», какая к чертям собачьим разница?

— Ты ошибаешься, Юлия, - собственное имя заставляет меня вздрогнуть, ведь звучит слишком обыденно, доверительно и почти по-дружески, - в центре никто не будет тебя насиловать, там ты будешь в безопасности...

— Чушь! – перебиваю я, - именно это там меня и ждет. Моя подруга...

Я не замечаю, что плачу, пока беззвучные слезы не достигают моих губ, смывая с них неприятное послевкусие.

— Моя подруга пошла туда добровольно... и ее там убили. Жестоко убили. Вот и послужила Империи. Аве, мать его!

Не перегнула ли я палку? – спохватываюсь я.

Осторожно покосившись в сторону центуриона, я вижу, что он хмурит брови. Меня всегда предостерегали, что мой дерзкий язык не доведет меня до добра. Вот сейчас я точно получу по своей облеванной физиономии.

— Когда это случилось? – зачем-то уточняет центурион.

— Какая... - начинаю я, но что-то заставляет меня ответить честно, - два месяца назад.

— Ее имя... Фелиция Аврелия?

— Фаустина, - поправляю я.

— Так вот оно... - произносит центурион с таким выражением, будто решил для себя очень сложную задачу, но ничуть не удовлетворен результатом. Он присаживается на койку, но на безопасном расстоянии от меня, и проводит пятерней по коротко стриженной голове. Мрак углубляет следы усталости на его лице, морщины, складки и борозды шрамов.

— Вы судили того человека, который сделал это с ней? – вырывается у меня.

Он кивает.

— Он... казнен?

Центурион смотрит перед собой, а не на меня. Я не знаю почему, но мне чудится, что он – гнусный пес режима – способен понять, что я чувствую. Мне не хотелось бы, чтобы он понимал.

— Да, Юлия, - наконец говорит центурион, - он казнен.

Увы, совершенное правосудие не вернет Фаустину из царства Плутона. В конце концов – судить тех, кто действительно заслуживает наказания – и есть обязанность чертовых «Фациес Венена». Что мне теперь, рассыпаться в благодарностях, что хоть раз они сделали то, что должны? Я не собираюсь. Следом за той тварью в тюремную камеру попала я. Я никого не убивала, как и отец Фаустины, и многие другие невинные люди, пострадавшие от рук тайной полиции.

Глупо искать справедливости в этих стенах.

— Я проконтролирую, чтобы с твоим делом разобрались как можно скорее, - обещает центурион, словно прочитав мои мысли, - тебе нечего здесь делать. А сейчас попробуй поспать. Не бойся, я...

Не засуну в тебя свой член, пока ты спишь?

Я проглатываю ехидный ответ. Полно, Юлия. Этот человек хотя бы пытается.

Он встает, а я устраиваюсь на койке так, чтобы не соприкасаться с испачканным местом на матрасе, и отворачиваюсь к стене. Я не желаю смотреть на безобразного, но благородного центуриона. Я не желаю с ним разговаривать.

— Я не позволю кому-то тебя побеспокоить, - все же заканчивает он.

Ложь – думаю я. Он просто делает свою работу. Он «разберется с моим делом как можно скорее» и я отправлюсь в центр «Производства и репродукции», где меня будут насиловать снова и снова. Снова и снова. И никакой ублюдок, возмнивший себя рыцарем, не сможет этому помешать.

— Спасибо, - тихо говорю я.

Спасибо за ложь во благо.

— Эй, просыпайтесь, гниды!

Грубый оклик сопровождается лязганьем металла по металлу. Я со стоном разлепляю глаза и сажусь. Спину ломит, голова ощущается тяжелой, как при болезни, а от застарелого вкуса во рту меня снова начинает тошнить. Огромное везение, что уже нечем.

Коридор между камерами залит тусклым светом, льющим в единственное окно. Мальчишка-тирон в цементно-серой униформе расхаживает между камер, брезгливо швыряя на пол посуду с кормежкой.

— Жрать, - рывкает он с таким важным видом, словно является самой значимой персоной во всем «Карсум Либергатис».

Меня раздражает его заносчивость, но я до смерти голодна.

Преодолеваю тяжесть в теле, я сползаю с койки, и усаживаюсь возле решетки, чтобы дотянуться до миски с невзрачной бугристой массой. Она пахнет и выглядит не лучше, чем то, что ночью вылезло из моей глотки.

Я черпаю ложкой безвкусную пищу, уплетая за обе щеки, как самый изысканный деликатес, но не чувствую насыщения. Слизкие комки валяются в пустоту внутри моего живота, и он протяжно урчит.

В центре «Продукции и репродукции» точно будут лучше кормить. Я навещала там Фаустину. Она хвалилась, что в жизни не видела такого разнообразия блюд, таких сочных, с любовью выращенных фруктов и овощей, таких сладких десертов. На это я ответила, что ее закармливают «на убой».

Как жаль, что я оказалась права!

— Эй, девушка! – окрикает меня кто-то.

Я отрываюсь от пустой миски, из которой тщетно пытаюсь выскрести еще хоть какие-то крохи, и осматриваюсь, выискивая источник звука. Им оказывается заключенный в камере напротив – сплошь седой, сгорбленный старик с бородой настолько длинной, что она почти достает до бетонного пола. Он дружелюбно улыбается мне почти беззубым ртом, и вдруг толкает свою миску в мою сторону.

— Дерши добавку, - шепеляво говорит он.

Голод во мне оказывается сильнее воспитания, и я сразу же набрасываюсь на чужую порцию. Лишь уничтожив ее, я испытываю раскаяние: я только что оставила этого доброго самаритянина без завтрака.

Без обеда? Без ужина?

Сомневаюсь, что тут трехразовое питание.

— Спасибо, - выдавливаю я и вытираю рот, - но... но как же вы?

Старец глухо смеется в свою кустистую бороду. В ней застряли засохшие ошметки серой массы, вроде той, что я только что проглотила.

— Мне уже не надо, - беззаботно отмахивается он, - мне недолго ошталось.

Все потрясения, пережитые за последние сутки, притупляют мою способность к сочувствию. Я думаю, что, если он приговорен к казни или погибает от смертельного недуга, ему можно лишь позавидовать. Больше никаких безвкусной жратвы, жесткой койки, вонючей камеры или терзаний на счет неопределенности будущего. Скоро он будет свободен. Я не обладаю такой роскошью, как свобода. Центурион ясно дал понять, что, по окончании «экскурсии», я отправлюсь в центр «Продукции и репродукции».

— Мне жаль, - все-таки говорю я.

Старик машет чумазой рукой.

— За што тебя упекли, девушка? – спрашивает он.

— Я пыталась сбежать, - признаюсь я.

— Надо же! – восклицает он не то с недоумением, не то с восторгом, - и куда ты шобиралась?

— Я не знаю... Просто... куда-то.

Заключенный подползает еще ближе к решетке, вцепляется в нее узловатыми пальцами и его длинная борода оплетает прутья, как девичий виноград старинную ограду. До меня доносятся исходящий от него отвратительный запах. Вероятно, он не мылся с тех самых пор, как попал в «Карсум Либертатис».

— Шкашу тебе по шекрету, - заговорчески подмигнув, говорит он, - я тоше шобирался шбешать. Я даше шделал шамолет...

— Сделали что? – переспрашиваю я. Из-за отсутствия зубов половина слов, сказанных стариком, мне непонятна, но последнее из них кажется совсем незнакомым. Остальные хоть с трудом, но узнаются.

— Шамолет, - повторяет он, - это такая штука, девушка, на которой люди летают, как птиишы. Ш помощью него мошно добратыша ша море...

Я изумленно приоткрываю рот.

За море?

Но ведь там ничего нет!

И я тут же осаживаю себя, осознав, что разговариваю с человеком, давно потерявшим рассудок. Его внешний вид вкупе с этими безумными речами убеждают меня в этом заключении. Сколько времени он уже здесь торчит? Не удивительно, что, будучи запертым в четырех стенах в филиале ада, все, что ему остается – это предаваться диким фантазиям.

— Ешли ты... - начинает он, но не успевает закончить – замечает двух милесов в другом конце коридора.

Они отпирают дальнюю камеру.

— Обвиняемый Мануций, - провозглашает один из милесов, - на выход.

Арестант, надо думать, не торопится повиноваться приказу. Надзиратели ненадолго исчезают в недрах камеры, а после вытаскивают оттуда тощего мужчину с посиневшим от побоев лицом. Он барахтается в их руках как белье на веревке в ветреную погоду.

— Пожалуйста! – верещит он, - не надо! Я не виноват! Я...

— Да закрой ты свое грязное хлебало, - рывкает более крупный из милесов, - гнусный изначник.

— Я не...

Бабах.

Я жмурюсь, чтобы не видеть того, что происходит дальше, но отчетливо слышу звуки ударов.

Пожалуйста, пусть это побыстрее закончится, думаю я. Но это и не думает заканчиваться. Кто-то словно лупит в глухой барабан, выбивая из него некрасивый хаотический ритм.

— Довольно, - вклинивается третий голос.

Я приоткрываю глаза. Арестант валяется на полу, скорчившись в луже крови и, судя по специфическому запаху, собственной мочи, а над ним возвышаются милесы и... юный бог из допросной комнаты. Он уже не выглядит таким растерянным и отсутствующим, как в прошлый раз. Он стоит прямо, руки сложены на груди, а курчавая голова склонена к плечу. Его поза говорит о крайне презрительном отношении к окружающим.

— Господин Велатус, - почтительно отзывается один из милесов. Второй молчит и косится в мою сторону. На его щеке расцветает свежая гематома. Я догадываюсь, что он обзавелся ей минувшей ночью в моей камере. Скорее всего, эту производственную травму ему оставила встреча с кулаком центуриона.

— Поторапливайтесь, - холодно цедит юный бог, - колесница не будет ждать. Заключенного приказано доставить в шахты.

Он брезгливо морщит нос от царящего здесь мерзкого запаха, резко поворачивается на каблуках и уходит. Заключенного отскребает от пола, и с него градом льется кровь. Милес с фингалом под глазом чуть задерживается, чтобы бросить на меня последний взгляд, полный зловещего обещания.

Не я виновата, что его отделал центурион, но именно мне придется за это ответить.

Центурион не ошибся, рассудив, что пребывание в «Карсум Либертатис» собьет с меня спесь. Страх ломает. Остаток дня я провожу в ожидании, когда и меня выведут из камеры, чтобы наконец отправить в центр «Продукции и репродукции». Никто так и не приходит. Я уже почти готова упасть в ноги надзирателям и молить прекратить эту пытку.

Я согласна. Я раскаялась.

Только, пожалуйста, не еще одна ночь в этих стенах.

Разумеется, я не сплю. Каждый мускул в моем теле напряжен до предела. Я сижу на койке с прямой спиной и прислушиваюсь к малейшему шороху.

Стоит мне различить чьи-то шаги, я готовлюсь к самому худшему.

У «самого худшего» фонарь под глазом. Он притормаживает у решетки, но не отпирает ее. Луч фонарика обшаривает меня с ног до головы. Надзиратель проводит языком по разбитой верхней губе. Мой испуг приносит ему очевидное удовольствие.

Он не достаивает меня каких-то слов, лишь тычет пальцем в мою сторону.

Я и без слов считываю обещание: скоро.

Он уходит, а я прячу лицо в ладонях. Меня бьет крупная дрожь. Мне так страшно, как никогда в жизни. Эта демонстрация силы окончательно душит во мне все порывы к борьбе.

Уж лучше бы он сразу взял свое, чем откладывал «казнь» на потом.

Я встаю, чтобы подойти к решетке и посмотреть, что делает мой сосед, тот вонючий старик, надеясь, что смогу найти в его лице пусть безумного, но собеседника, и скрасить эти темные часы. Заключенный сгорбился на своей койке спиной ко мне, и, кажется, спит. Вероятно, он мертв. Я бы тоже предпочла умереть, но я не знаю, как повернуть это усилием воли.

Свет фонарика, танцующий на полу коридора, вынуждает меня отступить.

Вот и все.

Тот ублюдок вернулся.

Я закрываю глаза и перестаю дышать. Я представляю себе, как лишенный кислорода, мой мозг умирает, и я валяюсь на бетонированный пол. Гаденыш не получит меня живой, а что он будет делать с моим мертвым телом – уже меня не касается.

Я приказываю себе стать мертвой.

Прямо сейчас, пока кто-то отпирает решетку снаружи.

— Юлия? – опять этот голос.

Передо мной центурион из допросной, вероятно, снова явившийся проверить, что никто не испортил товар до отправки по назначению. Желаящих, надо думать, немало. Я – кусок мяса посреди псарни. Конечно, голодным зверям трудно устоять перед таким искушением.

От избытка чувств я бросаюсь центуриону на шею и лишь после понимаю, что мне не стоило этого делать. Нет слов, чтобы объяснить ему, как сильна во мне потребность в объятиях, в чем-то простом и человеческом среди всего этого ужаса.

Мышцы на груди центуриона твердые, словно камень. Он напрягается, и, кажется, тоже перестает дышать. Он не лупит меня за подобную вольность, но и не обнимает в ответ.

А умеет ли он? – думаю я. И в моей голове оживает жуткая картина, как двое милесов безжалостно избивают заключенного, прежде чем сопроводить к тюремному транспорту. Без сомнения, кто-то из них однажды дослужится до звания центуриона. А этот центурион – ведь тоже когда-то был простым надзирателем.

Сколько крови на его руках?

Действительно ли я хочу, чтобы эти руки ко мне прикасались?

Я отшатываюсь и встречаю взгляд центуриона.

— Хватит! – восклицаю я, - убирайтесь. Достаточно играть в благородство. Какая разница – трахнет меня кто-то из ваших товарищей или нет? Это все равно ждет меня в центре. Или...

Я расправляю плечи, делаю глубокий вдох и обличительно тыкаю пальцем в грудную клетку центуриона.

— Или вы все-таки сами решили мной воспользоваться?! Разумное решение, когда еще представится такой шанс! Хорошая новость: ваш член будет первым, что здесь во мне побывает! Плохая – если я забеременею, лучше покончу с собой, чем произведу на свет выродка от кого-то из вас! В остальном – ни в чем себе не отказывайте, господин!

— Юлия, - предупреждая начинает центурион, - успокойся. У тебя истерика.

Да он, черт возьми, издевается! Будто я без него не понимаю, что со мной происходит. Я видела слишком много вещей, которые никогда не смогу забыть – и гниющего заживо старика, и избиение другого заключенного. И Фаустину в центре «Продукции и репродукции», бодрым голосом рассказывающую, какая честь для нее исполнять свой долг перед Империем, как о ней «любезно» заботятся и хорошо кормят. Ее загнанный взгляд. Ее поджатые губы и тягучее молчание, стоило мне спросить о главном:

Сколько их уже было?

Как она это пережила?

Никак.

Фаустина мертва.

Еще бы со мной не случилась истерика!

Центурион все же пытается меня утихомирить, тянется, будто собираясь обнять по-настоящему, а я принимаюсь отбиваться. Я луплю его своими слабыми ручонками везде, куда могу дотянуться, пока он не сгребает меня в медвежью хватку.

Я сотрясаюсь в беззвучных рыданиях, уткнувшись лицом в шершавую ткань его кителя. А он – пес режима, палач, убийца, садист и далее по списку, успокаивающе гладит меня по спине и всклокоченным волосам. Прикосновения его рук мягкие и деликатные, словно он остерегается мне навредить. Немудрено, ведь ему привычнее этими лапищами ломать кости и выкручивать суставы, а не утешать плачущих женщин.

— Пожалуйста, - сдавленно бормочу я, - пожалуйста, лучше убейте меня. Убейте, если по-настоящему хотите помочь. У вас же есть с собой оружие, да? Я не смогу... я...

— Тише, Юлия, тише, - шепчет центурион мне в макушку. Он не произносит какой-нибудь лицемерной ерунды, вроде «все будет хорошо», и за это я очень ему благодарна.

Мои ноги подкашиваются, но он не позволяет мне упасть. Бережно удерживая меня в своих руках, центурион присаживается на узкую койку, и баюкает меня на коленях словно дитя. Постепенно мне становится легче. Объятая теплом со всех сторон, я перестаю трястись нервной дрожью.

— Почему вы делаете это? – вырывается у меня.

— Что именно? – уточняет центурион.

— Почему вы заботитесь обо мне, почему не ведете себя, как ваши товарищи? – сбивчиво лепечу я, - почему вы вообще служите в «Фациес Венена»? Ведь вы, судя по всему, неплохой человек... Вы могли бы выбрать себе любую другую профессию. Вы могли бы... Вы могли бы быть таким же, как остальные, просто воспользоваться мной, воспользоваться своей властью... За насилие над заключенной вас никто не осудит...

— Меня не возбуждают плачущие женщины, - серьезно заверяет он.

То, как сказаны эти слова, заставляет меня оторвать зареванную физиономию от кителя и посмотреть на центуриона. Я подмечаю, что уголок его рта кривится в некой пародии на улыбку.

Шутка?

Или что-то вроде того?

И от этого атмосфера меняется. Мне уже не так страшно. Он человек, а не зверь. А еще он мужчина, о чем я как-то не потрудилась подумать, но теперь замечаю. Мужчина, который без шрамов, стрижки почти под ноль, без формы треклятых «Фациес Венена» в других обсто-

яательствах, возможно, был бы по-своему красивым. Улыбка волшебным образом преображает его суровое лицо. Он, оказывается, не такой и урод, как мне показалось в допросной.

Я разжимаю кулак и неуверенно касаюсь пальцами борозды шрама на горле центуриона. Он никак это не комментирует.

— Или вас в принципе это не интересуют? – поддеваю я.

Центурион морщит лоб.

— Не знаю, что ты имеешь в виду, Юлия, - сухо говорит он, - но у меня нет привычки нарушать непреложные обеты.

Ну конечно – фыркаю я про себя, и прикидываю, сколько же ему лет? Мне говорили, что обучение будущих рекрутов «Фациес Венена» начинается где-то с шестнадцати, примерно с тех пор их и обязывают блюсти целибат. Без сомнения, для кого-то из членов тайной полиции эти правила не имеют значения, а обеты не так уж и непреложны, но что до этого конкретно взятого центуриона? Ему вообще когда-нибудь доводилось познать женское тело?

— Обеты обетами, но у всех есть потребности, - замечаю я.

Я также слышала, что братья «Фациес Венена», сурово порицающие измену плоти, сами не брезгают к ней прибегать. Что, если, мой защитник просто предпочитает женщинам своих товарищей? Например, богоподобного юношу-оптио? Мне не трудно представить, как центурион нагибает мальчишку над столом в допросной. Не трудно, не гадко, но слегка обидно.

На его коленях сейчас сижу я, а не тот юный Фавн. Я бедром чувствую выпуклость в штанах центуриона, его большие ладони на своей спине и предплечьях. Это не пугает меня, а непостижимым образом вдохновляет.

Вероятно, пребывание в «Карсум Либертатис» лишило меня остатков рассудка.

— Мы не животные, чтобы слепо следовать своим инстинктам, - задумчиво произносит центурион. Я гадаю: кого он пытается убедить? Меня или себя?

— И вам совершенно не хочется? – невинно интересуюсь я.

— Зачем ты говоришь это, Юлия? – прямо спрашивает центурион. Я чувствую, как напрягается его могучее тело. Так близко ко мне. По-хорошему, я закончила биться в припадке, он мог бы и увеличить дистанцию. Но он еще держит меня в своих руках.

Это подталкивает меня к откровенности, о которой я, скорее всего, пожалею.

Или нет?

Терять мне уже нечего.

— По правде... - говорю я, - если меня в любом случае отдадут кому-то на растерзание, я хотела бы хоть раз иметь право выбора. Вы были добры ко мне, позвольте отплатить вам за это. Никто не узнает, что вы нарушили свои священные клятвы. Я погорячилась, сказав, что предпочту умереть, а не родить от члена «Фациес Венена»... пусть лучше это будет ребенок достойного человека, такого как вы.

— Юлия! – изумленно выдыхает центурион.

Это далеко не вся правда, но кое-что я предпочитаю оставить себе. Мой смятенный разум проясняется, и я вижу здесь неплохую возможность. Один мужчина вместо десятка. Попади я в центр «Продукции и Репродукции» уже беременной, меня оставят в покое. Я исполню долг, но на своих условиях. И есть крошечный шанс, что я получу от этого не только моральное удовлетворение, но и хоть какое-то удовольствие.

Я провожу ладонью по колючему ежику волос центуриона, но он перехватывает мою кисть и убирает со своей головы.

— Юлия, - строго говорит он, - прекрати.

— Никто не узнает, что это были вы, - повторяю я, - это мог быть... любой. Я сохраню это в тайне... Пожалуйста, господин.

— Креон, - и я не сразу понимаю, что он сообщает мне свое имя. Короткое, хлесткое, жесткое, под стать ему самому. Но мне нравится это имя. Мне льстит, что таким образом центурион делает шаг на встречу и соглашается с моими доводами.

Я пересаживаюсь по-другому, и, обхватив коленями его талию, тянусь за поцелуем. Это забавно, что у меня – восемнадцатилетней девчонки, оказывается куда больше опыта, чем у взрослого мужчины. Мы практиковались с Клавдием, когда еще планировали пожениться. Центуриону... Креону, выходит, не довелось даже попробовать.

Мы с Клавдием не только целовались, но и ложились вместе с постель, хоть и не осмелились зайти дальше петтинга. Благодаря этому мне известно, как именно нужно потираться о мужчину, чтобы ему стало приятно. Я чувствую, как твердеет бугор в штанах центуриона от трения моей промежности через одежду, и с удовлетворением заключаю, что возбуждаю его не хуже богоподобных юнцов.

А с чего я вообще придумала себе их запретную связь?

С того короткого, многозначительного взгляда, что мальчишка бросил на старшего товарища в допросной комнате? Вероятно, он жаждет внимания центуриона, но снова и снова натывается на преданность принципам.

Гнусный изнабочник, гадкий женоподобный мальчишка! – злорадно думаю я.

Мальчишка...

С ресницами, длине которых позавидовала бы и покойная Фаустина. С узкими плечами, субтильным телосложением и плавными бедрами. С голосом, слишком высоким и мелодичным для представителя сильного пола. Без кадыка...

О, Юпитер!

Догадка пронзает меня подобно электрическому разряду: никакой тот оптио не мальчишка. Это девушка, нацепившая форму «Фациес Венена». Девушка, безнадежно влюбленная в своего командира, и, понятное дело, безответно. Креону неведомо, кто она такая, ведь только глаз другой женщины способен приметить, незначительные, казалось бы, детали и сложить из них цельную картину.

Ни о какой солидарности не может быть и речи. Мне не стыдно перед этой несчастной, что я краду у нее что-то важное. Я не знаю причины ее обмана, но я зла на нее. Она предпочла лгать и служить в тайной полиции, когда я предпочла честность, за что мне досталась тюремная камера. Тюремная камера и этот мужчина. На одну ночь, но он принадлежит мне. Мне, а не этой маленькой суке.

Центурион поднимается вместе со мной, поддерживая меня под бедра, и разворачивает к себе спиной. Его ладонь давит мне на лопатки, вынуждая прогнуться в пояснице. Я не в восторге от этого положения, но догадываюсь, как разит из моей пасти. Да и поцелуи – удел влюбленных. Мы не испытываем друг к другу ничего, кроме сиюминутной похоти. Я хочу Креона, он хочет меня, и этого хватит.

Я упираюсь ладонями в холодный бетон стены. Штаны арестантской пижамы ползут вниз, и прелый воздух камеры липнет на потную кожу. Центурион поглаживает меня между ног, неумело, но аккуратно. Я прикусываю губы, чтобы не застонать. Не хватало, чтобы на звук явился кто-нибудь посторонний.

Ублюдок с фингалом.

Или девчонка-оптио.

Впрочем, пусть придет и посмотрит, как ее горячо обожаемый командир припадает ртом к промежности другой женщины. Настоящей женщины, а не той жалкой пародии, что она из себя представляет, выдавая себя за кого-то другого.

Ревнивая мысль о поверженной сопернице усиливает остроту ощущений.

Клавдий ничего такого точно не делал, никогда не осмелился бы. В Империи осуждают подобные практики. Лоно полагается наполнять семенем, а не вылизывать языком. Это мер-

зость уровня измены плоти, но мне нравится. Я ломаю ногти о стену, и сдерживать шумные выдохи становится все сложнее. Креон отлично компенсирует недостаток опыта усердием и старомодным желанием подготовить меня к самому соитию.

— О, Юнона, - все-таки вырывается у меня, когда на смену губам приходят его сильные, жесткие пальцы. Они с влажным звуком погружаются в меня, и мои бедра мелко дрожат, сотрясаемые волной удовольствия.

Даже жители Империиума знают, что такое оргазм. Мы достигали этого вместе с Клавдием, но ощущения были тенью того, что я испытываю сейчас. И уж точно я не думала, что буду кончать, насаженная на пальцы ублюдка из тайной полиции.

В тишине бряцает пряжка ремня. Заключив, что прелюдия состоялась, Креон приставляется ко мне своим членом, и тот легко проходит сквозь мокрые складки. Я повлажнела настолько, что не чувствую дискомфорта, хотя слышала, что первый опыт бывает болезненным. Мне не с чем сравнивать, но, как мне кажется, центуриона не обделила природа. Орган сильно распирает меня изнутри.

Креон дает мне время привыкнуть и толкается в моем теле.

— Ливия, - шепчет он, и я теряюсь в догадках, что может означать это слово. Ответ мне не нравится: оно слишком похоже на женское имя. Получается, владея мной, он представляет другую. Девушку из далекого прошлого, еще до службы в тайной полиции?

Или?

Дьявол.

Не ту ли девчонку, что носит форму «Фациес Венена». Быть может, он потрахирует и ее, а потому покрывает? Но если центуриону известен секрет этой стервы, и он о ней не доложил, то они оба покойники. Если правда вскроется, их расстреляют.

И пусть расстреляют! – злобно думаю я. Их недоказанный тайный роман не помешал центуриону развлечься и с заключенной. И почему я только решила, что отдаюсь достойному человеку?

Креон такой же ублюдок, как и все они здесь.

Мне хочется его ударить, вырваться и убежать. Но я стою с оттопыренным задом, а центурион в несколько быстрых толчков доводит себя до разрядки. Он выдергивает член, пока тот не излился в меня, как того требуют правила Империиума. Драгоценное семя пачкает мои бедра, а Креон принимается одеваться.

Он использовал меня. Он получил свое. А меня ждет центр «Продукции и репродукции» и очередь из других подонков.

— Прости меня, Юлия, - тихо говорит центурион.

— Оставьте меня, - прошу я, хотя меня так и подмывает послать его к черту.

Глава пятая. Ливий Велатус / Юлия Силва.

Шаги коменданта разносятся по коридору, и я лежу без движения, дожидаясь, когда он закончит вечерний обход. Я смотрю в темноту, не зажигаю остаток свечи, не строчу свою глупую исповедь.

Я догадываюсь, что и Креон Прэтор этой ночью не сомкнет глаз. Как мне кажется, я хорошо его знаю, оттого пребываю в уверенности, что он рванется спасти треклятую Юлию Силва. Каким бы образом он не собирался совершить акт бессмысленного героизма, исход будет один. Его казнят. Что до меня – я намереваюсь ему помешать. Я не позволю своему наставнику угробить себя ради какой-то девчонки.

Теперь моя очередь красться под пологом мрака. Я давно изучил все безопасные маршруты в стенах тюрьмы и общежитий «Фациес Венена», и спокойно могу продвигаться вслепую. Мне на руку, что последний энергетический кризис вынуждает Империиум экономить на освещении в темное время суток.

Однако, беспрепятственно достигнув блока, где содержится Юлия Силва, я с ужасом понимаю, что опоздал. Издали я различаю голос Креона. Я легко его узнаю - голос, что всегда внушал мне уверенность, даже когда его обладатель подтрунивал надо мной, отдавал приказы или просто зачитывал материалы какого-нибудь дела.

Мне не разобрать, что говорит центурион, но до меня доносится фрагмент ответа девчонки.

— ...никто не узнает, что это были вы...

Я прикрываю глаза и прислушиваюсь. Я хочу знать, о чем идет речь, но последние слова сменяются тишиной, и меня настораживает эта тишина.

Почему они замолчали? Разве Креон пришел к Юлии не для того, чтобы организовать ее побег?

К чему промедление?

Стараясь двигаться неслышнее тени, я крадусь ближе. С этого угла мне виден лишь краешек камеры, но и этого вполне достаточно. Свет фонаря, оставленного на полу, обрисовывает все необходимые детали: бурную гриву волос девчонки, и мужские руки на ее спине, примявшие ткань арестантской пижамы. Юлия чуть смещается в сторону, и я вижу, как она целует Креона.

Я рефлекторно прижимаю пальцы к губам. Во мне бурлят обида, гнев и разочарование, но мне не понять, к кому они обращены.

Уж точно не к заключенной.

Меня ранит, что мой наставник не так непогрешим, как я думал. Он пришел не спасать ее. Он не устоял перед искушением вкусить запретный плод, которым оказалась она, а не я.

Что ему до моей безоговорочной преданности, когда в поле зрения возникла красивая женщина?

Мне стоило бы уйти и сдать Прэтора со всеми потрохами куратору, но я стою, впав в подобие каталепсии. Я не в силах пошевелиться. Все суставы ощущаются негибкими шарнирами, как у марионетки, а глаза, привыкшие к темноте, намертво прикованы к зрелищу в камере.

Бритая голова центуриона между стройных девичьих бедер. Ладони Юлии скользят по бетонной стене, а лицо скрыто за пологом волос, и там, в этих волосах тонут сладострастные вздохи. Это омерзительно, но в тоже время завораживающе. Я ослабляю ремень на своих штанах и запускаю руку в белье. Я представляю вместо собственных пальцев чужие пальцы и губы. Я представляю себя на месте Юлии Силва.

Cogitations roenam nemo patitur.

И какой же все-таки у Креона красивый череп! – умиляюсь я, и работаю кистью усерднее. Другого бы изуродовала эта солдафонская стрижка, как и униформа «Фациес Венена». Но, как я не приказывал себе этого не замечать, я вижу в своем наставнике красоту. Красота в нашей жизни значит немного. Я старался восхищаться его силой духа. Я восхищаюсь им и в нынешних обстоятельствах.

Я всегда боялся, что это произойдет, и пытался себя подготовить, но к такому нельзя подготовиться.

Мне нужно злиться лишь на себя за свои неисполнимые желания.

Это ничего не меняет. Я не предам своего господина. Я готов убить за центуриона Креона Прэтора, и не отказываюсь от своей клятвы. И я убью, как только он покинет тело Юлии Силва, а следом и ее камеру. Я планирую не убийство из ревности, не акт милосердия, а решение проблемы. Юлия Силва – проблема, как, впрочем, и я, но, выбирая из нас двоих, я, предпочту вычеркнуть Юлию из этого уравнения. Исчерпать прецедент, как любят говаривать в «Фациес Венена».

Провозившись с застежками своей одежды, и вытирая руку о ткань, я пропускаю первые слова, прозвучавшие в камере после паузы, наполненной лишь дыханием. Не важно, что любовники пообещают друг другу. Ясно одно: Креон собирается уходить. Самое время мне спрятаться в темноте, чтобы с ним не столкнуться.

Юлия сидит на койке, обхватив плечи руками. Она поднимает на меня испуганный взгляд, и, как ни странно, не выглядит как человек, только что познавший радости плотской любви.

Но что я вообще в этом смыслею?

Презренное рукоблудство – все «плотское», что мне доступно.

— Ты? – удивленно роняет Юлия Силва.

Мне становится ее жаль, но я прогоняю сердобольные мысли. Я окажу ей услугу. Надо думать, что после Креона здесь выстроится очередь из желающих испробовать эту девчонку. С момента ее появления в стенах «Карсум Либертатис», наши товарищи только и делали, что беззастенчиво делились планами на ее счет.

— Встань, – приказываю я.

Юлия послушно встает, но смотрит так, будто уже меня не боится. Вероятно, решила, что я пришел за тем же, зачем и Креон, и смирилась, что до отправки в центр «Продукции и репродукции» ей придется ублажить каждого члена, каждый член в «Фациес Венена».

Пусть думает так.

— Повернись лицом к стене.

Мне не нравится смотреть в глаза тем, кому я приношу смерть, и не нравится ее приносить. Но иногда приходится делать страшные вещи, чтобы сохранить свою жизнь. Свою или чужую. В этот раз я стараюсь не для себя. Зная характер Креона, он точно преисполнится в желании спасти эту женщину после близости с ней. Он скоро вернется. И лучше бы ему найти Юлию Силва мертвой.

Она все еще тарашится на меня. На меня и на табельное оружие, которое я, неосознанно поглаживаю пальцами, но пока не достаю из кобуры.

— Повернись...

— Я знаю, кто ты, – перебивает Юлия.

— И кто же? – без особого интереса спрашиваю я. Сейчас я услышу длинную, исполненную пафоса речь, как омерзителен каждый, кто служит в тайной полиции, включая меня и центуриона Прэтора. Мне нечего возразить. По правде... Я согласен, но, в отличии от Юлии Силва и иных правдолюбов, я благоразумно предпочитаю держать свое мнение при себе.

— Ты не тот, за кого себя выдаешь, – заявляет она, – пожалуйста, помоги мне сбежать, и я сохраню твою тайну...

О какой тайне, черт возьми, она говорит? Откуда ей может быть известно?

— Закрой рот, - требую я.

— Пожалуйста, помоги мне, - повторяет заключенная, - я не хочу в этот гребаный центр! Сделай хоть что-то! Иначе я сдам вас, тебя и центуриона. Он же знает, кто ты *такая*?

Нет, он не знает – отвечаю я про себя. Креон, хвала Юпитеру, и не догадывается. Иначе я давно гнил бы в той отвратительной яме, что в «Карсум Либертатис» именуют братской могилой. Мое преступление не подразумевает никаких послаблений. Меня казнят сразу после разоблачения.

Я уже достаю пистолет и снимаю его с предохранителя, но слышу шаги. Хуже и не придумаешь: если то мой наставник, ему не нужно видеть, как я вышибаю мозги женщине, с которой он только что трахался.

Но это не он, и я шустро прячу оружие в кобуру. Изнасилование арестантки спустят с рук, но самосуд с летальным исходом в «Карсум Либертатис» не приветствуется.

— Так-так-так, - нараспев произносит милес с фингалом под глазом. Он мнетя у решетки и кривит разбитые губы в гадкой ухмылке.

— Ну ниче себе! – подхватывает его спутник, - да это никак Велатус пришел свой хер пристроить к делу! Надоело отсасывать чужой?

Я захлебываюсь от злости. Конечно, в «Фациес Венена» шепчутся обо мне и моем наставнике, но никто еще не осмеливался произнести грязные сплетни прямо в лицо.

Луч фонарика шарит по камере, по мне, по застывшей Юлии Силва, но упирается в пол, стоит мне сделать предупреждающий шаг в сторону ночных гостей.

— Как ты разговариваешь со старшим по званию, кусок дерьма? – рявкаю я, - хочешь остаться без языка за этот пиздеж?

Милесы переглядываются между собой.

— Простите, господин, - без тени почтительности тянет тот, что с помятой рожей, - не хотели вам помешать. Мы подождем, пока вы закончите.

Закончу что? Дьявол! У меня нет подходящего реквизита для представления, на которое они рассчитывают. Но есть огромное желание спасти свою шкуру. Здесь слишком темно. Они ничего не поймут. Я как-нибудь выкручусь. Я выкручивался из передраг похуже этой.

Я разворачиваю Юлию спиной к себе и толкаю к стене. Мы словно пародируем сцену, что я ранее наблюдал из коридора, и в этом спектакле мне отведена роль центуриона Прэтора. Но я обращаюсь с заключенной без его обходительности – просто сдергиваю с нее штаны и расстегиваю свой ремень.

— Если вам нужна помощь, господин, - издевательски тянет милес с синяком, - не стесняйтесь. Мы подскажем, как пользоваться этой штучкой у...

— Захлопни пасть, - обрываю я.

Будь у меня «эта штучка», моя жизнь была бы куда проще. Мне не пришлось бы притираться промежностью, еще липкой после мастурбации в коридоре, к заднице Юлии Силва, изображая фрикции. Я отымел бы ее только за то, что она посмела посягнуть на Креона. Я доказал бы ей, что она не героиня, а жалкая шлюха.

— Что вы там возитесь, господин? – снова лезет непрошенный советчик, - может вам все-таки помочь?

До меня поздно доходит, что голос раздается в опасной близости от нас. Меня слепит фонарик, подсветивший место, где должны соединяться наши с Юлией тела. Там нечему соединяться. Кожа вхолостую шлепается о кожу, как молочные поросята толкущиеся у корыта с кормежкой на ферме.

— Какого хера!? – с неподдельным изумлением восклицает милес.

Никакого!

Он дергает меня за плечо, намереваясь оттащить в сторону и рассмотреть. А я выхватываю пистолет и стреляю ему промеж глаз.

Юлия Силва визжит рядом со мной, но ее вопль не такой оглушительный, как выстрел, прозвучавший в тесном пространстве. У меня закладывает уши, но я не могу позволить себе растеряться. Я приканчиваю и второго товарища. Только после этого я осознаю, что натворил. Одно дело – убить заключенную, другое – завалить двоих братьев «Фациес Венена».

К слову об арестантке – мне нужно «разобраться» и с ней. Юлия понимает это по моему взгляду, и, торопливо натянув штаны, вскидывает руки в мольбе.

— Пожалуйста! – выкрикивает она, - не убивай меня! Мы можем бежать! Я помогу тебе!

— Куда, черт возьми, ты собралась бежать? – устало спрашиваю я. Краем уха я фиксирую сигнал сирены в тюремном дворе. Кто-то слышал выстрелы и забил тревогу.

Мне конец.

Нам конец.

— За море, - отвечает Юлия, - один человек сказал мне, что у него есть летательный аппарат, и...

Звучит, как полная чушь, но есть ли у меня выбор? Сюда вот-вот примчится охрана, и мне не оправдаться. По правде, никто не станет разбираться, что здесь стряслось. Они сразу издырявят нас в решето.

— Ладно, - сдаюсь я, - пойдем.

Юлия Силва не в себе, ну а я в глубочайшем отчаянии, иначе все это не стало бы возможным.

Девчонка первая выбегает в коридор и встает у камеры напротив, где содержится старый маразматик, давно слетевший с катушек. Этот дед и раньше задвигал соседям безумные речи, и, выходит, нашел в лице Силва благодарного слушателя. Вот откуда взялась ее идея о летательном аппарате!

Я отпираю решетку. Юлия шмыгает в темноту, и, возвращается, взвалив на плечи немытую, вонючую тушу, едва ли напоминающую человека.

Я к нему не притронусь.

Пусть сама его тащит.

Я веду их теми коридорами, где, как мне известно, почти никто не бывает. Лишь слышав голоса, ругань и топот, я меняю маршрут, и каким-то чудом нам удастся добраться до гаража. В красных бликах резервного освещения колесницы кажутся древними чудищами. Я выбиваю стекло у ближайшей из них и дотягиваюсь до кнопки разблокировки замка.

— Внутрь, - распоряжаюсь я, а сам спрашиваю себя: что, во имя Юпитера, я делаю?!

Это – чистой воды самоубийство. Нам не позволят уйти далеко.

Он не позволит.

Конечно, первым нас находит в гараже именно центурион Креон Прэтор. Он удерживает меня на прицеле. Юлия Силва, с пыхтением затаскивающая старика в колесницу, его не интересуется.

— Стоять! – требует мой наставник. Я привык ему повиноваться и замираю. Увы, на сей раз мне придется послушаться. Я хочу жить, и не важно, сколько продлится эта жизнь. Креон меня не пощадит. Странно, что он еще не спустил курок. Я - предатель, заслуживающий казни на месте. Я потворствую бегству двух заключенных. А еще я обманывал Креона все эти годы, и не только его.

— Простите меня, господин, - говорю я и стреляю первым.

Табельное оружие выпадает из руки центуриона, но, даже получив ранение, он твердо стоит на ногах. Я целился в правое плечо, рассчитывая увеличить свои шансы: хоть Креон управляется с оружием и левой рукой, он утратит прежнюю меткость.

Только он все равно не стреляет.

Он шагает ко мне.

— Ливия, - произносит центурион, и, чтоб мне провалиться на месте, но я отчетливо слышу окончание имени.

Нет-нет-нет.

Так быть не должно.

Он не знает. Не знает!

Я запрыгиваю в колесницу и даблю гашетку в пол.

Колесница таранит ворота гаража, затем ворота тюрьмы. Нас осыпают градом пуль, визжит двигатель и звенят разбитые стекла, что дождем осыпаются внутрь. Я наблюдаю все наши приключения со стороны, словно кинокартину, погрузившись в свои невеселые думы.

Я прокручиваю в голове последнюю встречу с Креоном Прэтором.

Без сомнения, я больше никогда его не увижу.

Но зато куратор до него не доберется! После того, что я устроил, меня объявят врагом народа, а центурион, раненный при попытке меня задержать, окажется вне подозрений. Он не знал. Ему нечего предъявить. Он не виноват, что пригрел змею на груди.

Какое же глупое выражение! – сержусь я.

Подскакивая на ухабах, колесница мчится по проселочной дороге. «Карсум Либертатис» оставлена далеко позади, мы оторвались. Юлия Силва молчит, молчит и наш вонючий попутчик, смердя и пуская газы на заднем сидении. Он ограничился краткой инструкцией «двигаться на запад», и не то уснул, не то помер.

Юлия перегибается назад, чтобы проверить старика, а потом все-таки подает голос:

— Спасибо, что помогла выбраться.

Я не отвечаю.

Будто у меня был выбор!

— Кто ты такая? – девчонка не отстает, - как ты попала в «Фациес Венена»? Как твое настоящее имя? Ливия?

— Отъебись от меня, - рявкаю я.

— Можно было бы и повежливее, - ощеривается Юлия, - мы в одной лодке, нам не помешало бы узнать друг друга получше и... найти общий язык, - добавляет она, подумав.

— Нет.

Я не собираюсь «искать с ней общий язык» после того, как она трахалась с Креоном Прэтором. То, что его язык (и не только!) побывал в ее щели – уже достаточный повод, чтобы ее ненавидеть, хотя, безусловно, хватает других.

Она заварила всю эту кашу.

— Ладно, - цедит Юлия, - ладно. Но я понимаю, почему ты предпочла прикидываться цепным псом режима. Ты тоже не хотела попасть в этот долбаный центр?

«Цепной пес режима» - передразниваю я про себя.

Она все еще ищет хоть какие-то точки соприкосновения. Мне плевать. Пошла она к дьяволу.

— «Пес режима», - повторяю я, - каждый выживает, как может. Согласись, мой способ был действеннее твоего.

Я все же это сказал. Признал, что Юлия в чем-то права. Да, я не Ливий Велатус. Он был тихим, почтенным и обходительным. Юлия на свою беду ткнула меня в то, что никакой я не Ливий. Человек, которым я был до него, не лез за словом в карман и не пытался пощадить чувства собеседника.

Как и самого собеседника.

— Выживание стоит того, чтобы пытаться и убивать людей?! – возмущается Юлия.

— Именно поэтому оно и называется выживанием, – заявляю я, – приходится делать всякие неприятные вещи.

Меня забавит, как вытягивается ее лицо. О, прекрасная, высокоморальная Юлия Силва! Извини, но тебя трудно воспринимать всерьез, когда в твоих волосах висят комки не то блевотины, не то мерзкой тюремной стряпни. Девчонка и сама пахнет не лучше, чем смрадный дедок на заднем сидении.

— Или ты делала все это, чтобы заслужить одобрение центуриона? – не унимается Юлия, – чтобы ему понравиться?

Ах, ты скользкая тварь!

Ей сказочно повезло, что мои руки сжимают руль, и я не хочу погибнуть в аварии, отвлекшись от управления, чтобы прописать ей по физиономии.

Удар ниже пояса. Хорошо, что у меня там нет ничего лишнего – ни в прямом, ни в переносном смысле.

Колесница подпрыгивает на кочке и будит старика. Он кряхтит и бубнит что-то нечленораздельное себе в бороду. В его присутствии мы с Юлией не можем продолжать нашу грызню

— О! – восклицает дед, озираясь по сторонам, – пошти приехали. Тормоши!

Я останавливаюсь на обочине, но не вижу никакого летательного аппарата. Честно, я сильно сомневаюсь, что он вообще существует. Вокруг нас сплошной лес. Лес, в котором мы все умрем.

Дедок вываливается из колесницы, и, без помощи Юлии, бодро припускает во мрак, пролегающий меж стволов и кустарников. Нам не остается ничего, как пойти за ним. Колесницу быстро найдут. Затеряться в лесу будет разумнее.

Небо над верхушками деревьев светлеет, а утренние птицы смолкают, заслышав наши шаги. Почва влажная и, увязая сапогами в грязи, я прикидываю – есть ли здесь какие-то хищники? Будет глупо, если, сбежав из тюрьмы, мы погибнем, став чьим-нибудь завтраком.

Наконец лес кончается, и за молодой порослью показывается неопрятная деревянная постройка. Вероятно, она сохранилась с прежних времен, когда эти места были заселены людьми, и каждый участок занимали чья-нибудь ферма или хозяйство.

Старик дергает амбарную дверь и нам приходится ему помочь. Налегая на нее втроем, мы открываем скрипучую створку. Она осыпает нас древесной трухой и облупившейся краской. Старик ныряет во тьму, откуда тянет сырым, стылым воздухом.

Я снимаю с пояса фонарик и изучаю внутренности амбара. Здесь нет ничего, кроме громоздкого предмета, накрытого брезентом. Дед тянет брезент на себя, демонстрируя нашему взгляду нечто.... Нечто, не поддающееся описанию. Это отдаленно похоже на колесницу, но мне никогда не приходилось видеть колесницы с... крыльями?

Длинный нос сооружения венчает пропеллер.

Старик карабкается в кабину, и Юлия следует его примеру. Я минуту мнусь в нерешительности, преодолевая почти суеверный страх перед этой штуковиной, и ступаю на узкую ступеньку, ведущую вверх.

В кабине стоит кислый запах, но обстановка вполне узнаваемая. Я догадываюсь, что это – переделанная колесница, и моя тревога сменяется любопытством. Я разглядываю приборную панель с множеством ручек и тумблеров. Крючковатые пальцы старика порхают над ними, словно палочка дирижера, управляющая невидимым оркестром. Зажигаются лампочки. Мотор жуткой машины оживает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.